

Серия «Академия Валорис»

Резонанс Тьмы и Света

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

МИЯ ВЕЙН

Мия Вейн

Резонанс Тьмы и Света

<https://litres.ru/74535734>

SelfPub; 2026

Аннотация

Один шаг сквозь сияющий Излом — и привычный Петербург сменяется мрачными величиями Академии Валорис. Айрин не вызывать магию училась, она просто пыталась выжить. Но древний артефакт Слеза Этерии уже связал её судьбу с этим миром... и с его самым опасным защитником.

Теневой Магистр и, по совместительству, глава студенческого Совета Стражи Деймон Блэквуд привык держать всё под контролем. Появление неожиданной чужестранки для него — угроза и лишняя ответственность. Но за его холодными требованиями и янтарным взглядом кроется нечто большее.

Между ними — пропасть из тайн, магии и страха. Но когда притяжение становится сильнее разума, ради него придется пойти на величайшую жертву.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	45
Глава 7	70
Глава 8	82
Глава 9	94
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Мия Вейн

Резонанс Тьмы и Света

Глава 1

Один неверный шаг — и ты в чужом мире.

Один случайный взгляд — и ты в руках человека, от которого веет опасностью.

Из дневника Айрин Вейн. Сентябрь, 2026

Утро началось с запаха корицы и сырого петербургского воздуха, пробивающегося сквозь щель в форточке.

Я стояла перед старинным овальным зеркалом в своей комнате, пытаюсь укротить непослушные, непокорные пряди. Вглядываясь в свое отражение, я в который раз вздохнула: из зеркала на меня смотрела бледная, будто фарфоровая девушка с редкими аквамариновыми глазами и чуть заостренным подбородком. В университете меня часто называли «необычной», но сама я видела лишь тонкие черты и вечные тени под глазами от недосыпа.

Собрать волосы в высокий тугой хвост удалось только с третьей попытки. Поправив воротник свитера, я выскочила

на кухню.

— Доброе утро, бабуль! — Я мимоходом чмокнула ее в мягкую, пахнущую ванилью щеку и перехватила со стола еще горячий тост.

— Доброе, дорогая, — бабушка тепло улыбнулась, поправляя свитер на плечах, но ее взгляд на секунду замер на моем лице, став необычайно внимательным и даже тревожным. — Ты опять до полуночи сидела над эскизами? Айрин, тебе нужно высыпаться. Сегодня такой туман на улице, кости ломит... Будь осторожна на набережной.

— Обещаю! Вечером приду пораньше, — улыбнулась я, подхватывая тяжелый чехол с подрамниками, и выбежала в подъезд.

На улице Петербург встретил меня привычным свинцовым небом. Туман не просто оседал на мостовых — он въедался под кожу. К утру Васильевский остров окончательно утонул в серой, липкой хвори, превращая старинные здания в призрачные замки.

Я пошла в сторону Академии художеств. И именно тогда, на пересечении линий, у меня впервые затылок прожгло странным, почти физическим чувством. *Кто-то смотрел на меня.* Взгляд был тяжелым, горячим и нечеловечески пристальным. Я резко оглянулась, но за спиной расплывались лишь редкие силуэты прохожих, спешащих на работу. Никого. Пожав плечами, я списала всё на паранойю и усталость.

У монументальных дверей Академии меня уже ждали.

— Вейн, ну ты и копуха! — Марго в своем ярко-желтом шарфе махала мне рукой еще от арки. Рядом с ней стоял Тёма, наш бессменный староста, который тут же шагнул навстречу и привычным движением попытался перехватить мой чехол за край.

— Давай помогу, ты опять набрала с собой килограмм холстов, — ободряюще улыбнулся он.

— Спасибо, Тём, я сама, — смущенно пробормотала я, но мы вместе поднялись по широкой гранитной лестнице и скрылись в гулких коридорах универа.

День пролетел как в тумане. Четыре часа академического рисунка натюрморта изнуряли: пальцы до сих пор пахли разбавителем и льняным маслом, а спина затекла так, будто я целый день таскала камни. Но даже среди мольбертов и запаха краски то липкое чувство чужого присутствия не исчезало. Пару раз я ловила себя на том, что с тревогой вглядываюсь в тень за оконным проемом мастерской, но там блуждал лишь питерский дождь.

Когда мы наконец вышли из здания, вечер уже окончательно вступил в свои права. Липкая темнота сгустилась над набережной. И снова — этот обжигающий чужой взгляд в спину, от которого перехватило дыхание. Я на секунду замерла на ступенях, озираясь, но увидела только друзей.

— Айрин, ты точно не хочешь пойти с нами в «Зингер»? — Марго подбежала вприпрыжку, на ходу туже заматывая шарф. — Тёма обещал угостить всех кофе!

Тёма подошел ближе, мягко и неловко заглядывая мне в глаза с той заботой, от которой мне всегда становилось немного стыдно:

— Передохни, Вейн. Ты сегодня с самого утра в мастерской, лицо фарфоровое совсем.

— Спасибо, Тём, но я правда домой, — я аккуратно замялась, встретившись с его чутьточку разочарованным взглядом. — Бабушка обещала сделать пирог, да и я устала. Идите без меня.

— Опять она уходит в свой замок одиночества, — вздохнула Марго, любя толкая меня локтем. — Ладно, Вейн. До завтра! Не забудь про эскизы к проектированию!

Они попрощались и побежали в сторону Невского, а я осталась одна у подножия Университетской набережной. Вдохнув, я поправила воротник пальто и пошла вдоль Невы. Вода казалась тяжелой, свинцовой, сливающейся с темнеющим небом.

У самых ступеней спуск охраняли древние каменные сфинксы. Их застывшие величественные лица скрывала дымка, а на гранитных гранях блестели капли сырости. Я всегда любила это место. В нем было что-то невероятно старое, словно эти каменные твари знали секрет, о котором никто из нас даже не догадывался.

Вдруг из темноты, прямо от подножия одного из сфинксов, донесся тонкий, отчаянный писк.

Я замерла.

Писк повторился — тихий, дрожащий от холода. Подняв воротник, я подошла ближе к проезжей части. На самой бровке, прямо у мокрого асфальта, сжался в мокрый комочек маленький черный котенок. Он с ужасом смотрел на слепящие фары проезжающих машин и жалобно сжимался с каждым всплеском воды из-под колес.

— Эй, малыш... ты как туда попал? — тихо шепнула я.

Котенок сделал неловкий шаг вперед — прямо на дорогу.

Сердце ухнуло куда-то в пятки. В этот момент из-за поворота, развивая бешеную скорость на пустой набережной, выскочил тяжелый внедорожник. Водитель явно не видел маленькое копошащееся пятно на асфальте. Ревущий мотор заглушил всё вокруг.

Я не успела подумать. Внутри словно сорвалась какая-то пружина.

Сбросив с плеча подрамники — они с грохотом и треском разлетелись по граниту, — я бросилась вперед, на проезжую часть, протягивая руки к котенку.

Вспышка дальнего света визгом резанула по глазам. Завизжали тормоза. Огромная решетка радиатора неслась прямо на меня — я видела ее так четко, будто время внезапно замедлило свой ход. На мгновение я замерла, парализованная страхом, успев только сжать мокрый пушистый комочек в кулаке и прижать к груди.

«Вот и всё. Какая глупая смерть в восемнадцать лет...»

И в ту же секунду мир вокруг сорвался с петель.

Меня не сбила машина. Вместо удара металла я ощутила железную, нечеловечески сильную хватку на своем запястье. Воздух вокруг замерцал и словно лопнул с сухим треском статического электричества. Меня с такой силой рвануло назад и вбок, что дыхание перехватило.

Запах асфальта и бензина мгновенно сменился странным, чарующим и тревожным ароматом — озоном, сухой горной полынью и чем-то тёмным, обжигающим.

Я упала на мокрые гранитные плиты тротуара. Внедорожник с оглушительным сигналом пронёсся мимо, обдав брызгами то место, где я стояла долю секунды назад.

Я тяжело, судорожно дышала, сжимая в дрожащих пальцах пищащий комок.

— Ты совсем сумасшедшая? — прорезал туман низкий, рокочущий голос.

Голос был настолько бархатным, глубоким и жестким, что по моей спине пробежал табун ледяных мурашек. Каждое слово отзывалось в грудной клетке физической вибрацией.

Я снизу вверх подняла голову, пытаюсь разглядеть своего спасителя.

Он стоял в тени между двумя сфинксами. Высокий, невероятно широкий в плечах, закутанный в темный длинный плащ, край которого развевался на ветру, хотя воздух вокруг казался неподвижным. Лицо оставалось в глубокой тени, но его глаза...

Они не могли быть человеческими.

Из-под капюшона на меня смотрели две пылающие, хищные точки. Янтарно-золотые глаза, сверкающие в сумерках Петербурга с такой грозной, гипнотической силой, что у меня перехватило горло. В них не было сочувствия. В них горело чистое, яростное, темное пламя... и что-то похожее на отвращение, перемешанное с диким азартом.

— Чуть не сдохла ради куска шерсти, *Пташка*, — отчеканил он с едва заметной, ядовитой ухмылкой.

Я замерла, открыв рот, чтобы хоть что-то ответить, но в этот момент туман между сфинксами плотно сомкнулся, как тяжелый занавес. Вспыхнула и погасла короткая золотистая искра.

Когда я моргнула и поднялась на локти — на набережной уже никого не было. Только ревела Нева, да на асфальте лежал мой разбитый подрамник с порванным холстом.

Я осталась одна. Мокрая, с дрожащим котенком за пазухой и сумасшедше колотящимся сердцем.

Но этот огненный, палящий взгляд и низкий вибрирующий шепот «*Пташка*» остались выжжены на внутренней стороне моих век.

Глава 2

Домой я практически бежала, почти не чувствуя под собой ног. Дрожащий мокрый комок у меня под пальто затих, уткнувшись носом в свитер и едва ощутимо подрагивая от страха. Дождь усилился, стеной оседая на граните и превращая улицы Василеостровского района в сплошной темный коридор.

Влетев в подъезд старого доходного дома, я взбежала на третий этаж, стараясь не стучать мокрыми ботинками по деревянным ступеням. Замок щелкнул, и я юркнула в прихожую. Из кухни доносился чарующий аромат яблочного пирога с корицей, а по коридору разливался теплый медовый свет настольной лампы.

— Внучка, это ты? — Из кухни выглянула бабушка, с улыбкой вытирая руки о передник. Но, взглянув на меня, она мгновенно замерла. — Боже мой, Айрин! На тебе лица нет... А где твой подрамник?

— Я... я поскользнулась у набережной, бабуль, — замялась я, отводя взгляд и пытаюсь скрыть дрожь в голосе. — Уронила холсты, они упали прямо в воду и порвались.

— Ох, беда какая, — вздохнула она, подходя ближе и заботливо трогая мой холодный лоб. — Главное, сама цела. Но почему ты так дрожишь?

В этот момент из-под моего пальто высунулась крошечная

усатая мордочка с огромными круглыми глазами и издала тихий, жалобный писк.

Бабушка застыла. На секунду ее лицо стало удивительно строгим, почти испуганным, словно черное крошечное создание за пазухой напомнило ей о чем-то давно забытом.

— Это... сфинксы, — пробормотала я, виновато сжав котенка. — Он лез прямо под колеса машины на Университетской. Я не могла его там оставить.

Строгость в глазах бабушки мгновенно сменилась мягкостью. Она с тяжелым вздохом качнула головой, но в ее взгляде мелькнула затаенная грусть.

— Черный, как сама питерская ночь... — тихо шепнула она, глядя малыша по мокрой головке кончиком пальца. — Ладно, заходи скорее. Налей в блюдечко теплого молока, обсуши его. А потом марш в ванную, а то заболеешь прямо перед днем рождения.

Спустя час котенок, отмытый и накормленный молоком с кусочком отварной курицы, свернулся калачиком на моем кресле и сладко замурчал. Я назвала его Угольком.

Сама я сидела на подоконнике в своей комнате, закутавшись в пушистый плед и сжимая в руках кружку с горячим чаем. Но даже теплая комната и мерное мурлыканье не могли прогнать леденящий запах грозы, который, казалось, вьелся в мои волосы и одежду.

И этот *взгляд*.

Я закрывала глаза — и снова видела их. Две золотистые,

палящие точки в непроницаемой тени между каменными сфинксами. Звериные, насмешливые, пугающие до лихорадки. Кем был этот человек? Как он успел выхватить меня из-под колес за долю секунды? И почему воздух вокруг него трещал, словно перед грозой? Или мне вообще это все... *показалось?*

Не выдержав нахлынувшего чувства тревоги, я вскочила с подоконника и подошла к мольберту.

Взяв из коробки самый мягкий угольный карандаш, я прикрепила к планшету плотный лист бумаги. Пальцы двигались сами собой, повинаясь какому-то невидимому импульсу. Быстрые, размашистые штрихи лезли на бумагу: сначала силуэт длинного плаща, развевающегося вопреки тишине воздуха, затем глубокий капюшон, скрадывающий черты лица...

Но главное — глаза.

Я растирала уголь подушечками пальцев, пытаюсь передать этот гипнотический, смертоносный свет. Добавила немного сухой сангины и желтой пастели, чтобы заставить их гореть на сером фоне. Постепенно с листа на меня взглянул *он*. Тот самый спаситель-демон.

От получившегося рисунка по коже пробежал мороз. С портрета веяло такой чистой, первобытной опасностью, что у меня перехватило дыхание.

«*Чуть не сдохла ради куска шерсти, Пташка...*» — снова прозвучал в моей голове его бархатный, низкий голос.

Настенные старинные часы с кукушкой в коридоре начали размеренно и гулко бить.

Бом. Бом. Бом.

Я вздрогнула и бросила взгляд на циферблат. Двенадцать ночи.

Двадцать третье сентября. Мне исполнилось восемнадцать.

И в ту же секунду, когда отзвенел последний, двенадцатый удар, город за окном будто вымер. Шум проезжающих вдалеке машин мгновенно смолк. Ветер прекратил раскачивать деревья. За окном повисла абсолютно мертвая, противоестественная тишина.

Уголек на кресле резко подорвался, шипя и выгнув спину дугой. Его шерсть встала дыбом, а глаза уставились на окно.

Свет настольной лампы неожиданно изменил цвет — из теплого желтого он стал призрачно-фиолетовым и вытянулся струной. Воздух в комнате резко охладился, да так, что из рта вырвался клуб белого пара.

— Что за... — шепнула я, отступая от мольберта.

Внезапно стекла в раме задрожали. На мокром от дождя стекле с обратной стороны, прямо из тумана, начали проступать светящиеся золотистые символы. Они сплетались в странные узоры, вспыхивая и тая, как раскаленные угли.

А в воздухе прямо посреди комнаты густо пахло грозой, горной пылью и жженой бумагой.

Из щели под дверью выскользнула тонкая струйка золо-

тистого дыма, и прямо на мой рабочий стол, мягко шурша, опустился толстый свиток из темного, похожего на кожу пергамент, скрепленный тяжелой сургучной печатью с изображением переплетенных змей и зоркого соколиного глаза.

Сердце заколотилось в ребра с такой силой, что стало больно.

Я сделала осторожный шаг к столу, но не успела протянуть руку к свитку — дверь в мою комнату тихо отворилась.

На пороге стояла бабушка. В руках она держала небольшую деревянную шкатулку, украшенную резным орнаментом. Но ее лицо... На нем не было привычной мягкой улыбки. Она смотрела на свиток на моем столе, и в ее аквамариновых глазах — точно таких же, как у меня, — застыл тихий, неизбежный ужас.

— *Они нашли тебя*, Айрин, — тихо, почти беззвучно произнесла она. — Печать снята. Твое восемнадцатилетие наступило.

Слова бабушки потонули в густой, застывшей тишине комнаты.

Я переводила растерянный взгляд с плотного кожаного пергамент на столе — с его змеиным оттиском и зорким соколиным глазом — на бабушку. Она казалась постаревшей сразу на десяток лет: бледная, с дрожащими губами, крепко прижимающая к груди резную шкатулку.

— Бабуль... о чем ты? Кто — «они»? — мой голос прозвучал тихо и ломко.

Уголек на кресле прекратил шипеть, но продолжал настойчиво следить за струящимся вдоль пола фиолетовым светом от лампы.

Бабушка глубоко вздохнула, шагнула в комнату и плотно прикрыла за собой дверь. Взгляд ее зацепился за мольберт, с которого в темноту смотрели золотистые, нарисованные пастелью глаза. Она замерла на полушаге, с удивлением нахмурившись:

— Кто это, Айрин?

— Я не знаю... — честно призналась я, ощущая, как горло сжимает спазм тревоги. — Этот человек спас меня сегодня у набережной. Выдернул прямо из-под колес машины... У него были невероятные, будто светящиеся глаза. И воздух вокруг него трещал, как перед грозой. Или мне вообще это всё... показалось?

Бабушка медленно качнула головой, не узнавая силуэт на рисунке, но тревога в ее глазах лишь усилилась. Она подошла к столу, стараясь не касаться пергамента, и поставила рядом с ним свою деревянную шкатулку.

— Времени мало, — тихо произнесла она, глядя мне прямо в глаза. — Я надеялась, что смогу уберечь тебя, спрятать здесь, в этом сыром городе, среди людей... Но кровь не обмануть. В день твоего восемнадцатилетия защитный барьер, который твои родители и я держали с самого твоего рождения, должен был пасть. И он пал.

Она прикоснулась мозолистой ладонью к деревянной

крышке шкатулки. Раздался легкий щелчок, и замок открылся сам собой.

— Твои родители не погибли в автокатастрофе, как я говорила тебе с детства, — произнесла бабушка, и каждое ее слово падало как тяжелый камень. — Они были из другого мира — Этерии. Из древнего, величественного и очень опасного места, где магия — это сила, определяющая судьбы. Твоя мать была талантливым архитектором заклинаний, а отец служил в Высшем Совете. Когда Темные кланы напали на Край Магов, они успели переправить тебя через границу миров ко мне.

У меня перехватило дыхание. Мир вокруг качнулся.

— Другой мир?.. Этерия? Бабушка, это звучит как безумие!

— Взгляни на окно, Айрин! — В ее голосе впервые прорезались стальные, глубокие интонации. — Разве это безумие? Тот, кто спасал тебя сегодня на набережной, явно использовал магическое смещение. А этот свиток... герб на нем принадлежит единственному месту, где тебе смогут дать настоящую защиту и научить управлять своей силой. — Если ты знала всё это время... почему молчала? — Мой голос дрожал, пока я смотрела на мерцающий свиток.

Бабушка стояла у стола, поджав губы. Ее руки, исчерченные венами, судорожно сжимали старый серебряный перстень с помутневшим камнем.

— Потому что я надеялась, что заслон выдержит, или си-

туация изменится, Айрин, — тихо ответила она, глядя за окно, где по Петербургу моросил мелкий дождь. — Твои родители... Они пошли на ужасную жертву. Чтобы спасти тебя и закрыть проход, запечатали Разлом с *той* стороны. Они были не одни. Я многого не знаю. Но что-то или кто-то запечатало проход наглухо. С нашей стороны — из мира людей — его заново открыть было невозможно. Никак.

— Тогда почему письмо здесь? Почему портал откроется снова?

— Похоже, защитный контур был привязан к твоему совершеннолетию и к крови твоих родителей, — бабушка тяжело вздохнула. — В Этерии печати начали рушиться. Тот, кто отправил письмо, смог «пробить» истончившуюся грань. Мой отец был магом, Айрин, а мать — обычной женщиной. В мои времена такие семьи не были редкостью, пока Совет не перекрыл границы. Моих сил хватило только на то, чтобы скрывать твой запах с помощью этого перстня. Но против магии твоего восемнадцатилетия и запечатанной силы твоей матери мой артефакт — просто безделушка.

Она указала на тяжелую сургучную печать:

— Это печать Военно-магической Академии Валорис. Вскрой его. Теперь только ты имеешь право прочесть то, что там написано.

Дрожащими пальцами я шагнула к столу. Запах озона и полыни от пергамента стал почти осязаемым. Как только подушечка моего пальца коснулась холодного сургуча, печать

вспыхнула ярким бирюзовым светом и с тихим треском рассыпалась в золотую пыль.

Пергамент сам собой развернулся. На нем, вспыхивая серебряными строками, проступили изящные каллиграфические буквы:

«Айрин Вейн. Наследие вашей крови активировано. Срок защитного купола в Земном мире истек. Настоящим письмом вы извещаетесь о зачислении в Военно-магическую Академию Валорис для прохождения Инициации и раскрытия вашего потенциала. Вам надлежит прибыть к Порталу Перехода до рассвета третьего дня.

Верховный Архонт Академии Валорис, Магнус Норд»

Подпись внизу горела мягким серебристо-голубым светом, и рядом с ней отпечатался величественный силуэт зоркого сокола.

— Архонт Магнус... — с облегчением и трепетом выдохнула бабушка. — Старый друг твоих родителей. Он честный и благородный маг. Если письмо с подписью Магнуса, значит, тебе ничего не грозит в Валорисе. Но кто же тогда доставил свиток и вытащил тебя из-под машины?..

Я промолчала, но кончиками пальцев невольно коснулась листа на мольберте, где в темном капюшоне горели огненные глаза.

Он не был главой Академии. Он был кем-то другим — темной, зловещей тенью, которая следовала за мной весь день и принесла это послание.

Глава 3

Бабушка с тихим вздохом пододвинула резную шкатулку ближе к краю стола. Дерево, темное от времени и украшенное переплетающимися узорами, казалось почти горячим на ощупь. От него веяло сухим теплом и древней, еле уловимой магией.

Я подошла ближе, чувствуя, как внутри всё сжимается от предвкушения. Уголек осторожно прыгнул с кресла и, тихо повиливая хвостом, подошел к моим ногам, с любопытством уткнувшись носом в ножку стола.

— Твои родители знали, что этот день настанет, — тихо произнесла бабушка, откидывая тяжелую крышку шкатулки. — Они оставили это для тебя, когда тебе исполнится восемнадцать.

Внутри на мягком бархате глубокого винного цвета лежали три предмета.

Первым был изящный кулон из темного, почти черного серебра на тонкой цепи. В его центре покоился гладкий каплевидный камень — на первый взгляд совершенно прозрачный, но стоило на него упасть фиолетовому свету лампы, как внутри него оживали и переливались аквамариновые искры. Точно такого же оттенка, как мои глаза.

— Это *Слеза Этерии*. — Бабушка бережно взяла кулон и застегнула его у меня на шее. Камень при касании к коже

отозвался легким, приятным покалыванием, а затем даровал странное чувство глубокого, незыблемого спокойствия. — Артефакт твоей матери. Он скрывает твой истинный магический след от тех, кто желает тебе зла, и помогает удерживать контроль над собственной силой, когда она начнет пробуждаться. Носи его не снимая.

Я опустила пальцы к груди, сжимая прохладную каплю. В глубине камня словно забился едва слышный пульс.

Вторым предметом оказался некрупный стилет в кожаных ножнах, покрытых серебряной вязью каких-то символов. Его рукоять была обмотана темной полоской кожи, а на навершии застыл резной сокол с расправленными крыльями.

— Наследие отца, — прошептала бабушка, подавая мне оружие. — Клинок из этерийской стали. Он не просто режет плоть — он рассекает чужие заклинания и способен защитить тебя от теневых тварей. Отец был одним из лучших мечников Совета. Он хотел, чтобы у его дочери всегда было чем ответить врагу.

Я осторожно вытянула лезвие из ножен всего на пару сантиметров. Металл блеснул темным, стальным глянцем, а по комнате снова пробежал тонкий грозовой ветерок.

Третьим и последним в шкатулке лежал небольшой тяжелый перстень из тусклого золота с изображением песочных часов и трех переплетенных звезд, а под ним — сложенная вчетверо карта из плотной пергаментной бумаги.

— А это — твой пропуск. — Бабушка развернула карту на

столе. На ней не было привычных улиц Петербурга. Вместо них вырисовывалась старинная схема Васильевского острова, но с другими, неизвестными названиями, а в центре, прямо у подножия Университетской набережной, горела пульсирующая золотистая точка. — Портал Перехода откроется на том самом месте, где ты сегодня была. Между двумя сфинксами. Ровно в три часа ночи, когда туман над Невой станет самым густым.

— В три часа ночи... — повторила я, чувствуя, как мурашки бегут по коже. — Набережная. Сфинксы.

— Да. — Бабушка взяла мои ладони в свои, и я ощутила, насколько ее пальцы ледяные. — У тебя есть три дня, чтобы попрощаться с этим миром, Айрин. С Университетом, с друзьями... Они не должны ничего знать. Для них ты просто уезжаешь за границу или переводишься в другой город. Ни слова о магии, ни слова об Этерии. Это правило крови.

Она посмотрела на меня с такой бесконечной любовью и болью, что у меня пресеклось дыхание.

— А как же ты? — Горло сжал тяжелый ком. — Я не могу оставить тебя одну здесь!

— Мой дом здесь, — она мягко улыбнулась, проведя ладонью по моей щеке. — Я прожила свою жизнь, храня тебя. И теперь мой долг — отпустить тебя туда, где твой настоящий дом. В Академию Валорис. Там тебя научат всему, защитят и дадут силу стать той, кем ты родилась.

Я прижалась к ее плечу, глотая подступающие слезы. За

окном шумел питерский дождь, фиолетовый свет лампы постепенно гас, возвращая комнате привычные полутона, а на мольберте все так же темно и таинственно горел нарисованный углем пылающий взгляд.

Я знала: через три дня моя прежняя жизнь окончательно рухнет. И на ступенях у старых сфинксов меня будет ждать не только портал в другой мир, но и тот, чьи глаза не давали мне покоя.

Три дня пролетели как в лихорадочном сне. Город словно чувствовал скорую разлуку: питерский дождь перешел в мелкую, непрерывную морось, вымывая яркие краски из улиц и оставляя лишь бесконечный серый градиент.

В университете я чувствовала себя призраком. Сидя на лекциях и смотря, как уголь скользит по холсту, я поймала себя на мысли, что пытаюсь запомнить каждый звук: скрип половиц в мастерской, въедливый запах разбавителя, звонкий смех Марго и даже размеренный, чуть сухощавый голос преподавателя по анатомии.

— Эй, Вейн, ты вообще с нами? — Марго заглянула мне в лицо, пока мы спускались по широкой гранитной лестнице после последней пары. — Ты последние дни сама не своя. Точно не хочешь сегодня зайти к Тёме? Он обещал перебрать эскизы к просмотру.

Тёма шел чуть позади, неся свой тубус. Встретившись со мной взглядом, он неловко поправил воротник куртки и ти-

хо добавил: — Да, Айрин... Мы давно нормально не сидели. Если что-то случилось, ты всегда можешь рассказать.

Горло сжал горький, тяжелый ком. Мне пришлось врать им в лицо — аккуратно, без деталей, как и просила бабушка.

— Ребята, мне правда нужно идти. — Я с трудом заставила себя улыбнуться, глядя им прямо в глаза. — Слушайте... мне, скорее всего, придется ненадолго уехать. Срочные семейные обстоятельства. На днях.

Марго нахмурилась, удивленно вскинув брови: — В смысле уехать? Надолго? А как же просмотр?

— Я постараюсь вернуться как можно скорее, — солгала я, чувствуя, как внутри всё переворачивается от стыда. — Просто... берегите себя, ладно? Буду скучать.

Я порывисто обняла сначала опешившую Марго, а затем Тёму, который замер от неожиданности, но осторожно сжал меня в ответ. Не давая им времени задать лишние вопросы, я развернулась и быстро пошла вниз по ступеням, скрываясь в сыром воздухе Васильевского острова.

Дома атмосфера была натянута, как струна. Сборы не заняли много времени: небольшой прочный рюкзак, куда поместились пара сменных вещей, альбом для набросков, набор угля и карандашей. Кулон *Слеза Этерии* уже привычно покоился на моей груди под свитером, отдавая мягким, укачивающим теплом. Стиллет в ножнах я надежно закрепила на поясе сбоку, скрыв под длинным покроем пальто.

Уголек, словно чувствуя неладное, весь вечер крутился у

моих ног, тихо попискивая.

В глазах бабушки стояли слезы, но она держалась с удивительным стойким спокойствием. В прихожей она долго обнимала меня, глядя по голове и шепча тихие слова напутствия.

— Помни, кто ты, Айрин. Помни свою мать и отца. И верь своему сердцу — оно не обманет. — Она перекрестила меня и подтолкнула к двери. — Беги. Время приходит.

Я выбежала на улицу. До трех часов ночи оставалось пятнадцать минут.

Набережная встретила меня абсолютно мертвой тишиной. Город спал. Нева казалась чашей с жидким свинцом, а туман между каменными сфинксами сгустился до такой степени, что противоположный берег полностью исчез.

Я подошла к самому краю тротуара, прямо к тем ступеням, где три дня назад меня чуть не сбил внедорожник. Достала из кармана пергаментную карту с пульсирующей точкой.

Как только ровно в три часа ночи где-то вдалеке едва слышно отозвался курантный перезвон, воздух над Невой стал еще тяжелее.

В самой гуще тумана между двумя сфинксами закружилась золотистая воронка. Пространство содрогнулось, и раздался уже знакомый мне сухой, трескучий звук статического электричества. Туман разошелся в стороны, открывая пролом — невидимую арку, из которой веяло морозным горным воздухом, озоном и сухой пылью.

По ту сторону арки угадывались силуэты совершенно чужих, готических башен под тёмно-фиолетовым небом, усыпанным незнакомыми созвездиями.

Сердце заколотилось в грудной клетке с оглушительной силой. Я сделала шаг вперед, сжимая в кулаке каплю *Слезы Этериш*.

— Не передумала, Пташка? — неожиданно прорезал тишину низкий, обволакивающий голос прямо из тени за моей спиной.

Я резко обернулась. В шаге от меня из тумана выступил он. Высокий, в темном развевающемся плаще, с глубоким капюшоном, скрывающим черты лица. И из этой непроницаемой тени на меня снова смотрели две цепкие, палящие точки. Янтарно-золотые.

— Я и не собиралась, — твердо ответила я, хотя дыхание на секунду перехватило.

На его губах вспыхнула едва заметная, ядовитая, но странно завораживающая ухмылка. Он сделал шаг к пролому и простер мне руку в кожаной перчатке:

— Тогда шагни в бездну. Добро пожаловать в Этерию.

Глава 4

Холодная кожа его перчатки касалась моих пальцев лишь на мгновение — ровно настолько, чтобы удержать от падения, когда мы одновременно шагнули в золотистое марево портала.

Пространство вокруг схлопнулось с оглушительным хлопком, будто над ухом разрядилась молния. На секунду меня ослепила вспышка чистейшего золотого света, а легкие зажгло от резкой смены воздуха: питерская сырость и запах бензина мгновенно сменились ледяным, ошеломляюще чистым горным ветром, пропитанным ароматами незнакомой хвои и полыни.

Земля под ногами ушла, но тут же вернулась с гулким ударом. Я не удержала равновесие и чуть не осела на каменные плиты, но сухая, сильная хватка за локоть не дала мне упасть.

— Дыши, Пташка, — негромко бросил он, отпуская мою руку. — Первый переход всегда выбивает дух.

— Прекрати меня так называть! И убери свои руки! — Он тут же театрально разжал пальцы, и я полетела вниз, чуть было не ударившись коленом о камень. *Вот урод!*

— Ты слишком громко думаешь. — Он лишь ухмыльнулся.

Я жадно втянула морозный воздух, откидывая волосы с лица, и подняла взгляд.

Над нами простиралось бездонное, темно-фиолетовое небо, по которому рассыпались незнакомые, слишком яркие созвездия, а над горизонтом срезал облака огромный полумесяц необычного, лазурно-серебряного оттенка. Но главное зрелище было впереди.

Мы стояли на широкой смотровой площадке, высеченной прямо в скале. А перед нами, возвышаясь над туманной долиной и окруженная острыми пиками темных гор, распахнулась *Военно-магическая Академия Валорис*.

Это был колоссальных размеров замок из темного сердоликового камня, чьи готические шпили буквально впивались в звёздное небо. Внутренние дворы освещались мягким, парящим в воздухе золотистым огнем, а вдоль высоких крепостных стен снували крылатые силуэты — то ли огромные соколы, то ли магические стражи. От замка веяло вековой мощью, дисциплиной и абсолютной, неоспоримой силой.

— Красиво, не спорю, — раздался за спиной голос. На этот раз он сбросил капюшон, и в свете лазурной луны я впервые четко увидела его лицо: резкие, скульптурные черты, темные выющиеся волосы и эти невероятные, глубокие глаза цвета расплавленного золота, в которых застыло заносчивое, проницательное выражение. — Но Валорис — это не картинная галерея, Айрин Вейн. Это военная академия. Здесь выживают только те, у кого есть клыки и сила духа.

— Деймон, — сказал он, протягивая мне свою огромную,

по сравнению с моей, ладонь. Я взяла его за руку, и он резко притянул меня к себе, мое лицо застыло в нескольких сантиметрах от его.

— И буду называть, как посчитаю нужным, — прорычал он.

Он сделал пару шагов вперед, вглядываясь в гигантские кованые ворота внизу, к которым вел узкий каменный мост над пропастью.

— Тебя уже ждут, — продолжал Деймон, слегка повернув голову. — Архонт Магнус лично изъявил желание встретить дочь своих старых друзей. Но мой тебе совет: не расслабляйся. В этих стенах твоя кровь — это и твой главный щит, и мишень.

— А ты, идешь со мной? — Я сделала шаг к нему, крепче сжимая лямку рюкзака. — Кто ты такой? И почему именно ты принес мне письмо?

Он тихо ухмыльнулся, и в его глазах снова проскользнула та самая ядовитая, но странно манящая озорная искра.

— Уже соскучилась? Скажем так... у меня здесь свои задачи. И мы с тобой будем видеться куда чаще, чем мне бы того хотелось.

Не успела я ответить, как со стороны моста раздался четкий, чеканный шаг окованных железом сапог. Из тумана к нам приближалась фигура в темном офицерском плаще с золотым шитьем — встречающий из Академии.

Деймон сделал полушаг назад, плавно растворяясь в ноч-

ной тени заградительных зубцов скалы, будто сам был соткан из сумерек.

Густой туман с шуршанием расступался перед приближающимся человеком. Из сумерек вышел высокий мужчина средних лет в строгом темно-синем мундире, расшитом золотыми соколиными крыльями. Его виски серебрила седина, а волевое, словно высеченное из гранита лицо пересекал тонкий шрам у левой брови. Но главным в его облике были глаза — глубокие, цвета грозового неба, излучающие сдержанную, но сокрушительную силу.

Встречающий остановился в трех шагах от меня. Его внимательный взгляд скользнул по моему лицу, на мгновение замер на Слезе Этерии, просвечивающей сквозь ткань свитера, и выражение его глаз смягчилось.

— Айрин... — прозвучал глубокий, звучный баритон. — Как же ты похожа на мать. Тот же взгляд, та же гордая осанка.

Я сжала лямку рюкзака, чувствуя, как спадает напряжение, оставленное Деймоном:

— Вы — Верховный Архонт Магнус Норд?

— Для остальных — да, — он слегка наклонил голову в знак уважения. — Для тебя — просто Магнус, старый друг твоих родителей, Лорда Калеба и Леди Серафины. Добро пожаловать в Этерию, дитя. Я дал твоему отцу клятву защитить тебя, когда придет время, и сегодня эта клятва вступает в силу.

Он жестом пригласил меня следовать за ним по каменному мосту, зависшему над бездонной пропастью. Внизу, в густом тумане, шумел невидимый горный поток.

— Я узнала, что мои родители из этого мира, но... всё это до сих пор кажется мне сном, — тихо призналась я, оглядываясь.

— Твоя мать открыла путь в мир людей, чтобы спасти тебя, когда Тёмные кланы прорвали Барьер в Краю Магов, — голосом, полным тяжелой печали, ответил Магнус. — Они с Калэбом приняли неравный бой, давая нам время запечатать границу. Их подвиг позволил Валорису выстоять, но цена была слишком высока.

Мы миновали массивные кованые ворота, которые с оглушительным гулом затворились за нашей спиной. Внутренний двор Академии поражал масштабом: мощные площади, колоннады из черного мрамора, тренировочные площадки, на которых даже ночью парили магические мишени, вспыхивающие яркими сполохами огня и молний.

— Валорис — последняя крепость древней магии, — продолжал Архонт, пока мы поднимались по широкой винтовой лестнице замка. — Здесь обучают тех, в чьих жилах течет кровь высших домов. Но помни, Айрин: период Инициации длится три месяца. Тебе предстоит обуздать силу матери — магию конструкторов и заклинаний — и наследие отца, его боевой потенциал.

Мы двинулись вглубь замка. Мимо мелькали высоченные

двери и загорались огни в лампах по мере нашего приближения. Он остановился перед дубовыми дверями, украшенными серебряным гербом в виде сокола.

— Завтра утром состоится базовая распределительная церемония. А пока тебе нужно отдохнуть. Это твои покои.

Магнус коснулся ручки двери, и та бесшумно отворилась, открывая уютную комнату с высоким стрельчатым окном, выходящим на туманную долину, горящим камином и мягкой постелью.

— Верховный ... э...э...Магнус... — Я сделала шаг через порог, но замерла. — А кто тот человек, который принес письмо? Деймон... Кто он в Академии?

Взгляд Архонта моментально изменился — стал суровым, непроницаемым, как камень. Он замер на секунду, после чего тихо произнес:

— Деймон Блэквуд — старшекурсник факультета Боевой Магии и Тактики, а также глава студенческого Совета Стражи. Наследник одного из самых влиятельных и опасных родов Этерии. Его отец Лорд Альрик Блэквуд, Верховный Правитель и Властелин Теневых Земель. Будь с Деймоном осторожна, Айрин. У него свой взгляд на правила Валориса, и далеко не каждый выдерживает его общество.

— Отдыхай.

Магнус склонил голову и мягко прикрыл дверь, оставляя меня в тишине.

Я сбросила рюкзак на деревянный пол и подошла к окну,

обнимая себя за плечи. Внизу, в сумерках Академии, среди готических шпилей и парящих факелов, мелькнула одинокая темная фигура в плаще. Человек на мгновение поднял голову к моему окну, и я готова была поклясться, что даже на таком расстоянии увидела блеск его золотисто-карих глаз.

Глава 5

В темноте ночи я услышала скрип деревянных, будто древних половиц. Распахнув глаза, я с ужасом и... изумлением встретила с пылающим взглядом. Я вздрогнула, проснувшись.

— Это был лишь сон. *Какого хрена?*

Первый лучик солнца, пробившийся сквозь лазурный туман Этерии, застал меня уже на ногах. Проснувшись на рассвете от тихих шагов за дверью и едва слышного потрескивания камина, я первым делом подошла к высокому стрельчатому окну.

Утро над Валорисом — зрелище, от которого перехватывало дыхание. Острые шпили замка прорезали золотистые облака, а на огромных плацах внизу уже кипела жизнь: шеренги кадетов в строгой черной форме отрабатывали синхронные заклинания, отчего воздух над ними мерцал от сполохов синего и серебряного огня.

На небольшом столике у двери обнаружилась аккуратно сложенная форма кадета-иницианта: прочные темные брюки, облегающий колет из плотной ткани с серебряной оторочкой на манжетах и высокие кожаные сапоги. Рядом лежала записка с соколиной печатью: «*Плац Инициации. Восемь утра*».

Примерив форму, я поразилась тому, как идеально она се-

ла по фигуре — не сковывала движений, но придавала осанке строгую, подтянутую гордость. Застегнув под колетом[1] *Слезу Этерии* и проверив стилет[2] отца на поясе (ножны идеально скрадывались под длинной поллой колета), я бросила последний взгляд на свое отражение. Из зеркала на меня смотрела прежняя Айрин — фарфорово-бледная кожа, тугая коса светлых волос, но в аквамариновых глазах уже не было привычной питерской растерянности.

Когда я спустилась на главный плац, там уже собралось около полусотни кадетов моего года. Все они выглядели так, словно родились с оружием и магией в руках: статные, уверенные в себе, с заносчивыми взглядами наследников древних родов. Мое появление в окружении тишины привлекло невольные взгляды — слух о «прибывшей из Земного мира» явно успел облететь Академию.

— Смотрите-ка, та самая без магического следа... — донесся сбоку насмешливый девичий шепот. — Слышала, у нее даже искры в пальцах нет.

— Архонт лично встретил ее ночью. Интересно, чья она протеже?

Я сжала кулаки, проигнорировав шепотки, и встала в крайний ряд.

В этот момент на высокий гранитный помост перед строем поднялся Магнус Норд. В светлое время суток его фигура в темно-синем мундире выглядела еще более монументальной. По правую руку от него стояли преподаватели боевых

и теоретических дисциплин, а чуть поодаль, опершись о каменную колонну и скрестив руки на груди, застыл... Деймон.

Сегодня на нем была черная форма главы Совета Стражи с серебряными наплечниками. Его выющиеся волосы слегка трепал горный ветер, а янтарный взгляд скользил по шеренгам первокурсников с легкой, ленивой скукой. Но как только его глаза встретились с моими, в уголках его губ снова дернулась едва заметная ухмылка.

— Кадеты! — громкий, усиленный магией голос Магнуса раскатился над плацем. — Сегодня начинается ваш путь в Валорисе. Три месяца Инициации покажут, кто из вас достоин носить звание мага Этерии, а кто вернется в свои дома. Кристалл Судьбы определит вашу первичную стихию и наставника.

Тронувшись с места, кадеты по очереди начали подходить к гигантскому кристаллу в центре плаца. От каждого прикосновения кристалл вспыхивал разными цветами: пурпурным — для магии разума, огненно-алым — для боевых стихий, зеленым — для конструкторов.

— Айрин Вейн! — выкрикнул один из распорядителей.

Шепотки мгновенно смолкли. Я ощутила на себе десятки устремленных взглядов, но самым тяжелым, жгучим и пристальным был взгляд золотистых глаз у колонны.

Я расправила плечи и сделала первый шаг к кристаллу.

Каждый шаг по гранитным плитам плаца отзывался в ушах глухим стуком собственного сердца.

Пятьдесят пар глаз жгли мне спину, но я упорно смотрела только вперед — на гигантский, трехметровый Кристалл Судьбы, паривший в метре над камнем. Он грациозно вращался вокруг своей оси, переливаясь спокойным, нейтральным молочно-белым светом.

Остановившись у самого кристалла, я замерла. Руки слегка дрожали. Я мельком бросила взгляд на колонну: Деймон стоял, чуть подавшись вперед, и его горящие глаза жгли меня сквозь расстояние с какой-то цепкой, затаенной внимательностью.

— Смелее, кадет Вейн, — раздался спокойный, подбадривающий голос Магнуса Норда с помоста.

Я вздохнула, приподняла правую руку и приложила открытую ладонь к холодной, идеально гладкой грани кристалла.

Первую секунду не происходило ровным счетом ничего. По рядам кадетов прошел сдавленный смешок: — Я же говорила, пустая...

И в этот самый момент *Слеза Этерии* у меня на шее вспыхнула обжигающим жаром.

Кристалл под моей ладонью вздрогнул. Молочно-белое свечение мгновенно погасло, и из самого центра артефакта вырвалась волна оглушительного, ледяного аквамаринового света. Она с ревом прокатилась по всему плацу, заставив факелы на стенах вспыхнуть вдвое ярче, а горный ветер на секунду закружился в бешеный вихрь.

Но это было лишь началом.

Аквамариновые сполохи внутри кристалла начали переплетаться с густой, глубокой фиолетово-черной тенью — силой конструкторов матери и чистым, сокрушительным потенциалом отца. Могущественный артефакт Валориса, который до этого лишь окрашивался в один цвет, сейчас трещал по швам, перегруженный двойной, несовместимой магической природой.

По грани кристалла побежала тонкая, сверкающая паутинка трещины.

— Невероятно... — тихо ахнул кто-то из преподавателей.

Магнус Норд резко подался вперед, сжав перила помоста. В его глазах читалось не просто удивление — там был глубокий, осознанный трепет. На плацу повисла мертвая тишина. Кадеты смотрели на меня с открытыми ртами, и в их взглядах заносчивость сменилась невольным страхом.

Я отдернула руку, тяжело дыша. Кристалл медленно стабилизировался, но продолжал пульсировать глубоким, двойным аквамариново-теневым светом.

— Магия Архитектуры заклинаний и боевой резерв Совета... — произнес Магнус, и его голос усилился магией и разнесся над замершим плацем. — Кадет Айрин Вейн зачисляется на совмещенный курс факультетов Боевой Магии и Тактики и Артефакторики и Алхимии.

По плацу прошла волна изумленных возгласов.

— Совмещенный курс? — тихо, с невольным ужасом про-

шептал кадет из соседней шеренги. — Да туда же даже со старших курсов берут единицами...

Я сжала кулаки, еще не до конца понимая всю тяжесть сказанных слов, но по бледным лицам вокруг догадывалась: лёгкой жизни в Валорисе мне никто не обещал.

— Но, учитывая нестандартный потенциал и позднюю активацию силы, — продолжал Архонт, и его взгляд переместился к колонне, — кадету Вейн назначается личный куратор из состава Совета Стражи для контроля Инициации.

Черт.

Деймон медленно оттолкнулся от камня. Его сапоги с чеканным, тяжелым звуком стучали по плитам, пока он шел ко мне сквозь расступающихся кадетов.

Остановившись в шаге, он окинул меня долгим, нечитаемым взглядом, а затем слегка наклонился к самому моему уху, чтобы слышала только я:

— Поздравляю с триумфом, Пташка. Теперь ты официально *под моим присмотром*.

— Личный куратор кадеты Вейн — Деймон Блэквуд, — завершил Магнус.

Сердце упало куда-то в бездну. Я подняла глаза на Деймона, вступая с ним в эту молчаливую войну, а на его губах играла та самая, привычная ядовитая ухмылка.

После оглушительного финала на плацу кадеты расходились шумно, огибая меня по широкой дуге. Насмешки сме-

нились опаской: никто не хотел связываться с девчонкой, чья сила заставила треснуть Кристалл Судьбы, да еще и отданной под личный контроль главы Совета Стражи. *Его что, все боялись?*

Я шла по мрачной галерее замка, пытаюсь перевести дыхание, когда сзади раздались быстрые шаги.

— Эй, подожди! — Звонкий, сочный девичий голос заставил меня обернуться.

Ко мне приближалась высокая, стройная девушка с потрясающим каскадом ярко-рыжих, кудрявых волос и смуглой кожей. На ней была такая же кадетская форма, но носила она ее с какой-то легкой, небрежной грацией. Рядом с ней шел широконосый, крепко скроенный парень с короткими русыми волосами и тубусом за спиной.

— Я — Ливия, можно просто Лив, из Аквилонских Нагорий, — девушка открыто улыбнулась, протягивая мне руку, и ее карие глаза блеснули искренним любопытством. — А это Вал. Мы видели, как ты приложила к кристаллу. Пресвятая Этерия, да ты едва не разнесла артефакт вдребезги! Это было невероятно! Мы тоже первокурсники.

— Я думал, нас всех там закопают за компанию, когда он треснул, — усмехнулся русский парень, тепло кивнув мне. — Я Вальтер, из Тихих Озер. Мы с Лив знаем друг друга с пеленок, так что, если она докучает, — просто скажи, я ее оттащу.

— Эй, Берг, попридержи язык! — Лив шутливо толкнула

его локтем в бок, отчего парень лишь добродушно фыркнул. — В общем, Айрин, мы увидели, что ты тут совсем одна. А на нашем факультете Артефакторики и Алхимии нормальных людей — раз-два и обчелся. Давай держаться вместе?

От их простой, человеческой теплоты у меня впервые за день отлегло от сердца.

— С удовольствием, — улыбнулась я, чувствуя, как спадает ледяной зажим в груди.

— Кстати, про твоё назначение... — Лив понизила голос, пока мы шли в сторону обеденного зала. — Деймон Блэквуд — это не просто старшекурсник. Он наследник Теневого Дома. Он безумно силен, но ходят слухи, что у него вместо сердца — кусок этерийского льда. Мне рассказала девочка со второго курса, что в прошлом году он гонял первокурсников так, что им две недели пришлось на факультет целительства бегать.

— Ага, не говоря уже о ментальной помощи, — хихикнул Вал. — Но да, держись от него подальше.

— Да уж, спасибо, — тихо пробормотала я.

В столовой — огромном готическом зале с парящими светильниками — ребята помогли мне разобраться с местными правилами. Но едва мы сели за один из длинных дубовых столов, как я задела локтем тяжелый поднос стоящего позади кадета.

Серебряный кубок с травяным настоем пошатнулся и полетел прямо на мой колет.

— Осторожно! — Чья-то быстрая, умелая ладонь подхватила кубок в нескольких миллиметрах от моей одежды, не пролив ни капли.

Я резко обернулась. Передо мной стоял высокий парень. Тёмно-русые волосы были аккуратно собраны сзади, а из-за расстегнутого ворота виднелась серебряная эмблема факультета Целительства и Травничества. Его серо-голубые глаза смотрели на меня с мягкой, безупречно вежливой улыбкой.

— Вы в порядке, кадет...? — негромко спросил он, поставив кубок на стол.

— Вейн. Я Айрин Вейн.

— Я Бриан Эверхарт, третий курс. Видел ваше выступление на плацу — весьма впечатляюще.

— Спасибо... — Я немного растерялась от такого контраста после мрачности Деймона. — Извините, я вас не заметила.

— Ничего страшного. — Бриан слегка наклонил голову, и в его взгляде блеснула очень теплая, располагающая искра. — В первый день в Валорисе у кого угодно закружится голова. Если будут нужны травяные растирки от ушибов после занятий — обращайтесь в крыло целителей. Я часто там дежурю.

Он кивнул Лив и Валу и плавно пошел к столу старшекурсников.

— Ого-о, — протянула Ливия, опираясь подбородком на ладонь и провожая его взглядом. — Бриан Эверхарт лично

предложил тебе помощь? Айрин, да ты собираешь внимание самых непростых парней Академии.

— Перестань, — фыркнула я, хотя невольно улыбнулась. — Он просто вежливый.

Вечер опустился на Валорис быстро. Попрощавшись с новыми друзьями, я вернулась в свои покои. Я сняла колет, с наслаждением выдохнула и подошла к столу. И тут же замерла.

Прямо в деревянную раму моего окна был вонзен точеный черный кинжал. Под его лезвием покоился толстый кусок пергамента, исписанный размашистым, резким почерком.

Я вытащила клинок и развернула записку:

«Завтра. Пять утра. Восточный манеж. Опоздаешь хоть на секунду — вылетит из Валориса раньше, чем успеешь позавтракать. — Д.»

Я сжала пергамент в кулаке. Сердце сделало уже знакомый кульбит, а в груди вспыхнула чистая, упрямая злость.

— Ну уж нет, Блэквуд, — тихо шепнула я в темноту комнаты, глядя на далекие огни замка. — Не вылечу.

[1] Колёт — элемент прилегающего верхнего костюма/куртки из плотной ткани или кожи, часть традиционной кадетской или дворянской формы.

[2] Стилёт — узкий и длинный колющий кинжал без традиционной режущей кромки, легко скрываемый в одежде.

Глава 6

В четыре сорок пять утра Валорис еще утопал в непроницаемом, морозном, чернильном тумане.

Я едва раскрыла глаза. Сон снова был беспокойным: мне мерещился холодный горный ветер, шорох плаща за спиной и пара золотистых огней, неотрывно смотрящих на меня из темного угла комнаты. Встряхнув головой и списав всё на нервное истощение, я поскорее затянула ремни колета, проверила стилет на поясе и выскочила из замка.

Восточный манеж представлял собой огромный каменный амфитеатр с покрытым песком и инеем полом. Вокруг стояла звенящая, мертвая тишина.

Ровно в четыре пятьдесят девять я перешагнула порог манежа.

Деймон уже был там. Без куртки и наплечников, в одной лишь черной рубашке с засученными по локоть рукавами и кожаных фехтовальных перчатках. В его правой руке лениво поблескивал тренировочный стальной клинок.

— Четыре пятьдесят девять, — раздался его низкий голос, эхом отдавшийся от высоких сводов. — Пунктуально, Вейн. Я почти надеялся, что ты струсил.

— Не дождешься, Блэквуд. — Я оставила свой рюкзак у стены и встала в центре манежа, скрестив руки на груди. — С чего начинаем? С лекций по теории?

Деймон тихо хмыкнул, и в этом звуке не было ничего хорошего.

— Теорию тебе прочитают на факультативах, Пташка. А со мной ты научишься выживать. — Он сделал шаг вперед, и его движения были пугающе плавными, как у большой хищной кошки. — Доставай клинок.

Я вытащила из ножен стилет отца. Этерийская сталь блеснула в тусклом свете факелов.

— Стилет? — Деймон изогнул бровь, смерив меня ироничным взглядом. — Изящная игрушка для аристократических залов. Но против тяжелого меча или боевого заклятия твой стилет бесполезен, если ты не научишься чувствовать дистанцию и скорость.

Он подошел к стойке с оружием у стены, с легким звоном вытащил тяжелый полуторный тренировочный меч и без предупреждения бросил его мне. Я едва успела подставить руки. Тяжесть стали едва не вывернула мне пальцы — меч со скрежетом уткнулся острием в песок. Мое запястье буквально горело от напряжения, а плечи затекли уже через секунду.

— Ты держишь его так, будто собираешься намотать на него макароны, Вейн, — сухо бросил Блэквуд, медленно приближаясь. — Кто учил тебя стойке?

— Я три года занималась фехтованием на шпагах! — выдохнула я, тяжело дыша и пытаясь удержать равновесие. Мои ноги уже дрожали от непривычной нагрузки. — Бабушка на-

стаивала, чтобы я умела себя защитить.

Деймон издал короткий, полный сарказма смешок.

— Спортивное фехтование? — Он в мгновение ока оказался рядом и лёгким, почти невесомым движением ударил своим клинком плашмя по моему. Моя кисть не выдержала, и меч с оглушительным звоном вылетел из рук, упав на песок. — Твоя «шпага» весит полкило, а этот клинок — почти два. В реальном бою твои грациозные выпады и уколы «в легкое» закончатся тем, что тебе просто отрубят руку вместе с мечом. Здесь не набирают очки за касания, Пташка. Здесь пробивают доспехи и кости.

Он поднял меч с песка и грубо, без церемоний, вложил мне его обратно в пальцы. Заставил сжать рукоять правильно и сухим, жестким касанием поправил мое плечо.

— Твои ноги работают неплохо, стойка держится — спасибо твоему тренеру из мира людей. Но у тебя нет мышц для настоящей стали, и ты боишься боли. Забудь про паркетный спорт. Начнем с того, как не сломать себе пальцы при первом же блоке. Возьми стилет во вторую руку. Будешь учиться компенсировать нехватку массы скоростью.

Не успела я до конца осмыслить его слова, как он сменил позицию.

Он не просто шагнул — он буквально смазлся в пространстве. Черный силуэт мелькнул прямо передо мной, и в воздухе свистнула сталь. Я едва успела подставить лезвие стилета и подкрепить его крест-накрест лезвием меча под

падающий сверху клинок Деймона.

Звон.

Отдача от удара прошла по всей моей руке прямо до плеча. Суставы отозвались резкой болью. Я не удержалась на ногах и отлетела на пару метров назад, больно зарывшись сапогами в мокрый песок и сильно ушибив локоть.

— Медленно, — холодно отчеканил Деймон, даже не сбив дыхания. — Если бы на моем месте был боец Тёмных кланов, ты бы уже была мертва. Вставай.

Я стиснула зубы, чувствуя, как внутри закипает чистая, упрямая ярость. Стерев капельку пота со лба и игнорируя ноющую боль в суставах, я поднялась на ноги, встречаясь взглядом с его пылающими глазами.

— Еще раз, — процедила я.

— Другое дело, — ухмыльнулся он, снова поднимая меч. — Покажи мне, есть ли у тебя клыки, Айрин.

Следующий час превратился в настоящий ад.

Деймон не давал мне ни секунды на передышку. Каждая его атака была выверена, точна и беспощадна. Сталь со звоном впивалась в сталь, песок летел из-под сапог, а не привыкшие к такой пахоте мышцы горели огнем. Он сбивал мою «спортивную» стойку, заставлял уворачиваться на пределе физических возможностей, а когда я пыталась контратаковать — легко уходил с линии удара, оставляя лишь фантомную черную тень и отвешивая мне ощутимые тычки плашмя по ребрам и бедрам. К концу часа я была вся в ссадинах и

синяках, дыхание срывалось на хрип.

— Ты полагаешься только на физику, Вейн! — рявкнул он, блокируя мой очередной выпад и резко нажимая на гарду.

Наши лица оказались в опасной близости. Я чувствовала его горячее дыхание, ощущала терпкий запах хвойного леса и грозовой свежести. Его янтарные глаза, расширившись, жгли меня насквозь.

— Твоя кровь пульсирует магией твоих родителей, а ты дерешься как обычная человеческая девчонка! — Он резко надавил, заставив меня на подкашивающихся ногах опуститься на одно колено. — Заставь силу слушать тебя! Слейся со стилетом!

— Заткнись! — выдохнула я, и в этот момент внутри меня — где-то под ложечкой — вспыхнула жгучая ярость от собственного бессилия.

Слеза Этерии на моей шее обожгла кожу. Волна ледяного аквамаринового импульса вырвалась из моей груди, прошла по рукояти стилета и ударила прямо в лезвие Деймона.

Оружие Блэквуда мгновенно покрылось тонкой коркой инея и отлетело в сторону, впившись в песок.

Деймон отшатнулся на полшага, но его реакция была молниеносной. Прежде чем я успела осознать свой маленький триумф, он совершил стремительный рывок, перехватил мое ослабевшее запястье с оружием и сбил меня с ног.

Я больно грохнулась на спину, и из легких выбило воздух.

В следующий миг Деймон оказался сверху, прижав мое правое запястье к мокрому песку и зафиксировав мое тело своим. Стилет выскользнул из моих пальцев.

Тяжело дыша, я посмотрела на него снизу вверх. Коса растрепалась, и спутавшиеся волосы закрывали мне лицо, грудь вздымалась, а над нами повисла звенящая, электрическая тишина.

Деймон замер. Его пальцы, стальным кольцом сжимавшие мое запястье, на секунду вздрогнули. Взор его огненных глаз соскользнул к моим губам, затем к обнаженной шее, где отчаянно пульсировала жилка. На мгновение вся его холодная, надменная маска полностью слетела, обнажая что-то темное, дикое и глубоко спрятанное. Глаза его вмиг почернели.

Эмоциональное напряжение между нами стало настолько осязаемым, что его, казалось, можно было резать ножом. На секунду мне показалось, что он наклоняется еще ниже.

Но Деймон резко взял себя в руки. Взгляд начал светлеть и снова затянулся ледяной коркой.

— Рефлексы неплохие, — тихо, с хрипотцой произнес он, плавно поднимаясь на ноги и протягивая мне руку. — Но контроль эмоций — нулевой. Ты выпустила вспышку случайно, на эмоциях. В реальном бою это стоило бы тебе жизни.

Я проигнорировала протянутую ладонь и поднялась сама, едва сдерживая стон от боли в ушибленной спине. Отряхнула колет от песка.

— На сегодня всё. — Деймон подхватил свой меч, стряхивая с него остатки инея, и закинул его на плечо. — Завтра в это же время. И сразу после — к целителям за растиркой. Ты вся в синяках.

Он повернулся и пошел к выходу из манежа, надевая свой длинный плащ, развевающийся на ветру.

— Блэквуд! — окликнула я его в спину.

Деймон замер, не оборачиваясь.

— На плацу... когда кристалл треснул, — я запнулась, сжимая стилет в руке. — Почему ты не удивился?

Он медленно повернул голову, окинув меня тяжелым, нечитаемым взглядом через плечо:

— Потому что я знал, на что способна твоя кровь, Айрин. Еще до того, как ты переступила порог Валориса.

С этими словами он растворился в серой утренней дымке, оставив меня одну в пустом манеже с колотящимся сердцем и миллионом новых вопросов.

Идти к целителям из принципа не хотелось. «Придурок, отправлять меня за мазью, будто я неженка какая-то», — крутилось у меня в голове, пока я поднималась по крутой винтовой лестнице в лекционное крыло.

Рука от плеча до локтя ныла тупой, пульсирующей болью, а на боку под колетом уже наливался внушительный багровый синяк. Но я лишь сильнее сжала зубы.

— Пресвятая Этерия, Вейн, на тебе же живого места нет!

— ахнула Лив, как только я села рядом с ней на деревянную скамью в аудитории Высшей расчётной магии.

— Всё в порядке, просто неудачно упала, — соврала я, пытаясь расправить тетрадь правой рукой. Кисть слегка подрагивала.

— На танцах с Блэквудом «упала»? — фыркнул Вал сзади, опершись на наш стол. — Этот Теневой «демон», — он играючи показал кавычки, — сегодня с самого утра в манеже кадетов в порошок стирал. Мы видели, как он оттуда выходил. Ты бы сходила к целителям, Айрин: с магическими ушибами не шутят.

Лекция прошла как в тумане. Преподаватель, Виктор Крофт, чертил в воздухе светящиеся формулы, а я пыталась сосредоточиться, пока кончики пальцев постепенно не начали неметь.

Едва прозвенел гонг к перерыву, Лив решительно подхватила меня под локоть: — Так, упрямица. Либо ты сейчас сама идешь со мной в крыло целителей, либо я зову Вала, и он несет тебя туда на плече.

Сопротивляться сил уже не было.

Крыло целителей встретило нас прохладой, тишиной и пряным запахом сушеных трав и ментола. Из-за ширмы в дальнем конце зала сразу же вышел Бриан. На нем был строгий белый фартук поверх формы целителя, а тёмно-русые волосы были небрежно заколоты на затылке.

— Кадет Вейн? — Его серо-голубые глаза мгновенно по-

тептели, но тут же в них мелькнуло беспокойство, когда он заметил мою скованную осанку. — Что произошло?

— Результаты «индивидуальной тренировки», — с досадой вздохнула Лив.

— Проходи, садись на кушетку, — мягко, но непреклонно произнес Бриан, подводя меня к ней. — Дай угадаю: Блэквуд? Он никогда не умел соизмерять силу с инициантами.

Бриан аккуратно помог мне снять колет и расстегнуть верхние пуговицы рубашки, обнажая плечо. Его пальцы были удивительно теплыми, а прикосновения — невесомыми и точными. Он достал небольшую баночку с густым мятным бальзамом, от которого шел легкий пар.

— Будет немного щипать, — предупредил он, нанося мазь на поврежденную кожу и начиная плавно втирать ее лёгкими круговыми движениями.

Боль почти мгновенно сменилась приятным, глубоким теплом, от которого мышцы плеча наконец-то расслабились. Я невольно выдохнула, прикрыв глаза.

— У тебя хорошая выдержка, Айрин, — тихо сказал Бриан, улыбнувшись. — Другие после первого дня с Деймоном бегут писать заявление на перевод. Но тебе нужно учиться защищать свое тело.

— Я постараюсь, — искренне ответила я, глядя на него.

И в этот самый момент тяжелые дубовые двери целительского крыла с треском распахнулись.

На пороге стоял Деймон.

На нем сейчас не было его привычного тяжелого плаща. Вместо него — приталенный темно-графитовый камзол из добротной ткани, идеальный крой которого подчеркивал широкие плечи и подтянутую фигуру. Серебряные пуговицы с гербом рода Блэквуд поблескивали при каждом движении, а воротник-стойка делал его осанку еще более властной.

В янтарных глазах вспыхнул такой свирепый, ледяной огонь, что температура в комнате, казалось, мгновенно упала на несколько градусов. Взгляд Блэквуда тут же зафиксировался на теплой ладони Бриана, лежащей на моем обнаженном плече.

— Эверхарт, — раздался низкий, рокочущий голос Деймона. — Оставь нас.

Бриан не дрогнул. Он медленно убрал руку с моего плеча, взял льняное полотенце, вытер пальцы от остатков мятного бальзама и спокойно встретил тяжелый взгляд старшего кадета.

— Лорд Блэквуд, это целительский покой, а не ваш личный плац, — ровным, мягким голосом произнес Бриан, слегка заслоняя меня собой. — Кадет Вейн нуждается в помощи. На ней синяки и магические гематомы от слишком... рьяных тренировок.

— Я не спрашивал твоего мнения, Эверхарт. — Деймон сделал шаг вперед, и в воздухе мгновенно сгустилась тяжелая, удушливая магия Теней. — Я сказал: выйди.

Лив за моей спиной нервно сглотнула и тихонько сжала

мое неповрежденное плечо.

— Бриан, всё в порядке, — вмешалась я, застегивая пуговицы на рубашке и вставая с кушетки. — Спасибо за помощь, боль действительно прошла.

Бриан помешкал пару секунд, обеспокоенно глядя на меня, но затем сдержанно кивнул: — Баночку с бальзамом возьми с собой. Втирай перед сном. Если станет хуже — сразу возвращайся.

Он окинул Деймона холодным взглядом и вместе с Лив покинул помещение, тихо прикрыв за собой тяжелую дубовую дверь.

Мы остались одни. Тишина в целительском крыле стала густой и звенящей.

Деймон медленно приближался к кушетке. Без плаща его шаги казались еще более бесшумными, как у зверя, подкрадывающегося к жертве. Он остановился в полушаге от меня.

— Я, кажется, ясно сказал тебе прийти сюда сразу после манежа, Вейн. — Его голос звучал обманчиво тихо, но в нем слышалась угрожающая сталь.

— А я не привыкла выполнять каждый твой приказ, Блэквуд. — Я гордо вскинула подбородок, хоть плечо все еще слегка ныло. — К тому же я пришла. Просто после занятий.

— Ты пришла тогда, когда сустав едва не воспалился! — Деймон резко сократил дистанцию.

Он протянул руку и неожиданно легко, но сурово коснулся пальцами моего подбородка, заставляя смотреть прямо

ему в глаза. Его горячий взгляд буквально обжигал.

— Твое упрямство когда-нибудь тебя погубит. Ты думаешь, это игра? Если ты не научишься заботиться о своем теле и контролировать силу, тебя разорвут на первом же полевым выходе. И никакой Эверхарт с его мазиями тебе не поможет.

Мое сердце отчаянно заколотилось от его близости. Запах хвойной смолы и дыма, исходящий от его камзола, дурманил голову.

— Почему тебя вообще волнует, что со мной будет? — выдохнула я, глядя в его сузившиеся зрачки. — Вчера ты относился ко мне как к врагу, а сегодня гоняешь по целителям!

Деймон замер. На миг его хватка на моем подбородке ослабла. В медовой глубине его глаз снова мелькнула та самая темная, неопределимая тень, которую я видела утром на манеже.

— Потому что, если ты сломаешься раньше времени... — Он наклонился чуть ближе, и его голос опустился до опасного шепота. — ...я не получу ответы на свои вопросы.

Он резко отпустил мой подбородок, развернулся и поправил манжеты своего темного камзола.

— Завтра в пять утра. Без опозданий, Вейн. И попробуй только не втереть этот бальзам на ночь. Поверь, я узнаю.

Не дожидаясь моего ответа, он чеканным шагом вышел из целительского крыла.

Когда за Деймоном закрылась тяжелая дверь целительско-

го крыла, в воздухе еще долго висел едва ощутимый запах хвои и грозы.

Я стояла посреди прохладной комнаты, тяжело дыша и сжимая в кулаке баночку с мятным бальзамом, которую мне оставил Бриан. Сердце всё ещё отсчитывало бешеный ритм, а кожа на подбородке, которой касались сухие, горячие пальцы Блэквуда, казалось, продолжала гореть.

— Жива? — Из-за двери осторожно выглянула рыжая голова Ливии.

За ней маячил Вал, переминавшийся с ноги на ногу с выражением глубокой тревоги на широконосом лице.

— Жива, — выдохнула я, оседая обратно на кушетку и застегивая колет. — Он просто... выражал свое *кураторское недовольство*.

— «Недовольство»? — Лив вошла в комнату, скептически скрестив руки на груди. — Айрин, да он едва не испепелил взглядом бедного Бриана! Я думала, тут сейчас начнется дуэль факультетов. Блэквуд обычно вообще ни на кого не обращает внимания, а тут прилетел, как разгневанный теневой дракон.

— Перестань. — Я поморщилась, хотя в глубине души сама не понимала причин такой бурной реакции Деймона. — Он просто боится, что я сорву ему показатели подготовки.

— Ну-ну, — фыркнула Лив, но расспрашивать дальше не стала, видя мое состояние. — Пойдем в покои. Тебе нужно отдохнуть. А скоро у нас начнется Защита барьеров и мен-

тальная устойчивость, ее ведет магистр Кастияэль. Хотя какая-то радость — он, в отличие от Блэквуда, настоящий душа.

Вечерний Валорис затихал медленно. Попрощавшись с ребятами у развилки коридоров, я вернулась в свою комнату.

Зажглись светящиеся кристаллы на стенах, отбрасывая мягкий теплый свет на каменную кладку. Я сняла колет, подошла к зеркалу и расстегнула верхние пуговицы рубашки. На плече расплывался внушительный синяк, но благодаря мятной мази Бриана боль уже почти утихла.

Я достала с самого дна рюкзака потертую тетрадь с плотными листами — мой земной скетчбук, с которым не расставалась в Академии художеств. Пальцы бережно коснулись шершавой обложки.

Я перевернула несколько страниц. С бумаги на меня смотрели быстрые наброски набережных Васильевского острова, размытый тушью силуэт сфинкса у Невы и смеющееся лицо Марго с небрежным карандашным штрихом на щеке. На следующем развороте был Тёма — он увлеченно что-то доказывал, отчаянно жестикулируя, а внизу страницы виднелась легкая зарисовка бабушкиного чаепития...

Всё это казалось картинками из чужой, невероятно далекой жизни. Будто девушка, рисовавшая эти эскизы под питерским дождем, была совсем не мной, а кем-то, с кем я едва знакома. Там остался понятный, уютный мир без ледяных импульсов, древних родов и занесенных над головой мечей.

Я провела подушечками пальцев по наброску, чувствуя, как сжимается сердце. Как они там? Скучают, или память обо мне стерли так же легко, как затирают лишний штрих мягким ластиком?

Сняв *Слезу Этери*, я положила аквамаринный кулон на ладонь.

После сегодняшней вспышки на манеже он ощущался иначе. Всегда прохладный камень сейчас излучал мягкое, едва заметное тепло. Присмотревшись ближе при свете кристалла, я замерла: глубоко внутри прозрачной грани пробежала тончайшая, едва видимая нить, похожая на застывшую молнию.

«Печать снята... — пронеслись в голове слова бабушки. И следом — голос Деймона: — Я знал, на что способна твоя кровь...»

Что родителям пришлось запечатать внутри меня? И почему Деймон ищет именно эти ответы?

Мои размышления прервал мягкий, деликатный стук в дверь.

Я быстро накинула колет, спрятала кулон под рубашку и подошла к двери. На пороге стоял мужчина в светлом, безупречно скроенном сюртуке с серебряным шитьем. От него пахло дорогой корицей и сушеными полевыми цветами. Золотисто-каштановые волосы аккуратно уложены, а в карих глазах светилось мягкое, доброжелательное участие.

— Кадет Вейн? Простите за поздний визит, — прозвучал

его приятный, глубокий голос. — Я магистр Кастиэль Рид, преподаватель «Защиты барьеров и ментальной устойчивости». Бриан Эверхарт сообщил мне, что вы получили травму на индивидуальных занятиях, и я решил занести укрепляющий отвар.

Он протянул мне небольшой изящный флакон из темного стекла.

— Спасибо, магистр Рид. — Я растерянно приняла флакон, удивляясь такой заботе от преподавателя. — Вы слишком добры.

— В Валорисе доброта — редкий ресурс, кадет Вейн, особенно для новичков. — Кастиэль мягко улыбнулся, но его взгляд на секунду соскользнул мимо меня и упал на ворот моей рубашки, где был спрятан кулон. — Логика лорда Блэквуда иногда бывает слишком... суровой. Если вам понадобится помощь с адаптацией или защитными заклинаниями — мои двери всегда открыты.

Он слегка наклонил голову и уже повернулся, чтобы уйти, как вдруг его взгляд зацепился за дальний конец коридора. Безупречная улыбка магистра на мгновение застыла, а в карих глазах блеснул отчетливый, почти панический страх.

Я обернулась. В глубокой тени у поворота галереи молча стоял Деймон. Без плаща, скрестив руки на груди, он неотрывно смотрел на нас своим тяжелым, янтарным взглядом.

— Доброго вечера, лорд Блэквуд, — быстро проговорил Кастиэль, заметно подтянувшись и сделав шаг к выходу. —

Я лишь передал лекарство. Не смею мешать.

Магистр Рид почти бегом скрылся за поворотом, старательно огибая теневой угол, где стоял Деймон.

Я осталась стоять в дверях, сжимая флакон с отваром и глядя на Блэквуда.

— Ты теперь коллекционируешь заботу всех мужчин в этом замке, Вейн? — тихо, с ледяной иронией спросил Деймон из темноты коридора.

Я сжала стеклянный флакон в руке до белизны в костяшках. Выпад Деймона задел меня за живое.

— А ты, Блэквуд, коллекционируешь поводы для слезки за мной? — отчеканила я, делая шаг из дверей в прохладный коридор. — Магистр Рид просто проявил элементарную вежливость. Понятие, которое тебе, похоже, незнакомо.

Деймон медленно оттолкнулся от стены. Тень за его спиной словно качнулась вместе с ним, удлиняясь по каменным плитам. Он подошел ближе, окинув меня долгим, снисходительным взглядом.

— Вежливость в Валорисе — это уловка, Пташка, — негромко произнес он. Его золотистые глаза на секунду метнулись к флакончику в моей руке. — Кастиэль Рид улыбается всем, но не верь ни единому его слову и не пей ничего из его рук. Он слишком слаб, чтобы иметь собственное мнение, и слишком труслив, чтобы отказать тем, кто держит его на поводке.

Я замерла. Намек был слишком явным, но Деймон не стал

развивать тему.

— Не забывай, где ты находишься. Здесь каждый заботливый жест имеет свою цену. Бальзам Эверхарта вотри. Отвар Рида — вылей.

— С какой стати я должна тебя слушать? — упрямо буркнула я.

— С такой, что завтра в пять утра на манеже я буду проверять не только твои рефлексy, но и твою сообразительность, — хмыкнул он, уголок его губ дернулся в тень усмешки. — Зайди в комнату и запри дверь, Вейн.

Не давая мне ответить, Деймон развернулся и пошел по галерее, растворяясь в вечернем полумраке замка.

Я вернулась в комнату, заперла тяжелую дубовую дверь и повернула засов. Запах корицы от флакона Кастиэля теперь казался мне чужеродным и тревожным, а вот терпкий аромат хвойного леса, оставшийся в коридоре после Деймона, почему-то успокаивал.

Подойдя к раковине, я вылила темную жидкость из флакона Рида в слив, наблюдая, как она оседает на камне странным синеватым осадком. Деймон был прав.

На следующее утро в пять часов манеж снова встретил меня морозным туманом.

Второй день тренировок был не менее жестоким, но теперь я знала, к чему готовиться. Мы отрабатывали блоки, уклоны и работу с коротким клинком против длинного меча. Деймон больше не давил на меня всей своей магией, но за-

ставлял двигаться на пределе физических сил, доводя каждое движение до автоматизма.

А к полудню нас с Лив и Валом ждала первая вводная лекция по Алхимии и Артефакторике.

Мы сидели на верхнем ряду амфитеатра, когда в аудиторию вошла мадам Селеста де Морней.

Ее иссиня-черные волосы были уложены в сложную высокую прическу, а многослойное бархатное платье сапфирового цвета шуршало при каждом шаге. Пальцы профессора были усыпаны перстнями, которые тихо позвякивали, когда она раскладывала на столе древние свитки.

— Приветствую вас, кадеты, — прозвучал ее грудной, глубокий голос. Темные глаза мадам Селесты медленно скользили по рядам студентов.

И когда ее взгляд остановился на мне, она на секунду замерла.

Ее взгляд опустился к моей груди, где под колетом лежал кулон. В темных глазах профессора не было ни удивления, ни страха — лишь глубокое, осознанное узнавание и затаенная грусть. Она быстро отвела взгляд и постучала мелом по доске:

— Тема нашей сегодняшней лекции — Великие Печати и Магическая Архитектура прошлого. Запишите первый тезис...

Я сжала руку в кулак прямо над кулоном. Мадам Селеста знала мою мать. И, судя по всему, она прекрасно понимала,

что именно запечатано в Слезе Этериш.

Лекция мадам Селесты пролетела как один миг. Пока она рассказывала о древних заклетиях запечатывания и узловых точках магии, ее темные глаза то и дело возвращались ко мне. В каждом ее слове, в каждом примере мне мерещился скрытый двойной смысл.

— На сегодня всё, кадеты, — произнесла мадам Селеста, когда прозвенел гонг к перерыву. — Кадет Вейн, задержитесь. У вас пропущена сноска в третьем разделе хроник, нужно дописать.

Лив озадаченно посмотрела на меня, но я лишь кивнула ей: мол, догоню позже.

Когда аудитория опустела, а тяжелые двери закрылись, мадам Селеста медленно подошла к моему столу. От нее пахло сушеной лавандой и старым пергаментом. Перстни на ее пальцах тихо звякнули, когда она положила ладонь на деревянную поверхность перед моей тетрадью.

— Твоя мама всегда вела конспекты с правого поля, Айрин, — тихо, почти шёпотом проговорила она. В ее темных глазах больше не было профессорской строгости — только бесконечная, затаенная печаль. — Ты невероятно похожа на нее. Тот же упрямый взгляд.

Мое сердце пропустило удар.

— Вы... вы знали моих родителей? — выдохнула я, подавшись вперед.

— Знала? Серафина Вейн была моей лучшей ученицей и близкой подругой. — Селеста мягко улыбнулась, и ее взгляд опустился к вороту моей рубашки. — И я вижу, что она доверила тебе главное, что у нее было.

Ее рука на секунду зависла над моей грудью, не касаясь ткани, но чувствуя исходящее от кулона тепло.

— Запомни, девочка. — Профессор наклонилась ближе, ее голос опустился до едва различимого шепота: — Печать — это не тюрьма для силы. Это щит. Если кто-то в этих стенах попытается заставить тебя открыть ее раньше времени — не верь. Ни ласковым речам, ни обещаниям защиты. Кастияэль Рид уже задавал мне вопросы о твоём прибытии. Будь с ним осторожна.

— А Деймон Блэквуд? — вырвалось у меня раньше, чем я успела подумать. — Ему можно верить?

Мадам Селеста грустно вздохнула и расправила складки своего сапфирового бархатного платья:

— Тень Блэквуда опасна, Айрин. Он ищет правду о той ночи так же отчаянно, как и ты. Но его боль глубока, а его магия не знает пощады. Он не причинит тебе вреда намеренно... но Тень легко сжигает тех, кто подбирается слишком близко.

Следующей по расписанию была боевая тактика, которую вел профессор Торн Стейн.

Занятие проходило в нижнем строевом зале. Стейн стоял в центре арены, заложив руки за спину. Правую руку от лок-

тя до кончиков пальцев ему заменял протез из черной матовой стали, покрытый едва заметными рунами.

— Встали! — его громкий, сухой голос чеканил каждое слово, отражаясь от каменных стен. — Я не буду учить вас красиво махать железом, кадеты. Мы не на танцполе. Я научу вас выживать, когда у вас закончится магия, а противник окажется в шаге от вашей глотки!

Он окинул ровный строй инициантов тяжелым взглядом. Левую бровь и щеку профессора пересекал глубокий рваный шрам.

— Вейн и Берг, на арену! — выкрикнул он.

Вал переглянулся со мной и с досадой вздохнул. Нам выдали деревянные учебные мечи.

— Работаем без магии, чистое передвижение и блоки! Начали! — скомандовал профессор.

Вал был крупнее и сильнее меня, его удары обрушивались сверху с тяжестью падающего камня. В первый день я бы просто не удержала клинок. Но бесконечные, изнуряющие часы, проведенные с Деймоном на утреннем манеже, дали о себе знать.

Мое тело сработало само. Вместо того чтобы принимать прямой удар Вала на себя, я мягко ушла с линии атаки, скользнула боком и перенаправила его клинок вниз, как заставлял делать Блэквуд. Вектор движения, укол, шаг назад.

Деревянный меч Вала свистнул в воздухе, а мой клинок замер в нескольких сантиметрах от его груди.

В зале повисла тишина. Вал моргнул, явно не ожидая такой прыти.

Профессор Стейн медленно подошел к нам. Его стальной протез издал легкий, едва слышный щелчок. Он посмотрел на мой уверенный хват и ровное дыхание, а затем сурово сузил глаза:

— Неплохой уход, кадет Вейн. Постановка стопы отвратительная, но реакция достойная. Кто учил?

— Старший кадет Блэквуд, профессор, — честно ответила я.

Стейн хмыкнул, и в его глазах блеснуло скупое одобрение: — У этого Теневого хотя бы есть вкус к боевой дисциплине. Свободны.

К вечеру усталость навалилась на меня тяжелым грузом, но в голове крутились слова мадам Селесты.

Я решила отправиться в Западный архив — огромную многоярусную библиотеку Валориса, чтобы попробовать найти хоть какие-то упоминания о событиях той ночи, когда погибли мои родители.

Архив встречал полумраком и запахом сухой бумаги. Между высокими стеллажами тянулись длинные тени.

Я листала тяжелый фолиант по истории Академии за прошлые десятилетия, когда за моей спиной раздался знакомый, ровный голос:

— Ищешь ответы, о которых тебе не следует знать, Вейн? Я вздрогнула и обернулась. Из-за стеллажа вышел Дей-

мон. На нем снова был строгий темный камзол с серебряными пуговицами, без плаща, рукава были слегка засучены до предплечий. В руках он держал старую кожаную папку, видимо, с гербом своего рода.

— А ты снова следишь за мной? — Я закрыла фолиант, поднимая на него взгляд.

— За тобой сложно не следить, учитывая, сколько шума ты создаешь вокруг себя за один день. — Он подошел ближе, опершись бедрами о край тяжелого дубового стола. — Профессор Стейн хвалил твой блок. Сказал, что ты перестала двигаться как мешок с картошкой.

— Высокая оценка. — Я не удержалась от легкой улыбки.

— Не обольщайся. — Деймон скользнул взглядом по моей фигуре, и его янтарные глаза сузились. — Селеста де Морней задержала тебя после лекции. О чем вы говорили?

Я напряглась. Выдавать разговор с профессором мне не хотелось.

— О конспектах. Мадам Селеста просто знала моих родителей, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Деймон замер. В глубине его глаз вспыхнул быстрый, расчетливый огонек. Он сделал шаг ко мне, и воздух вокруг нас сразу ощутимо похолоднел.

— Не пытайся играть в тайны, Айрин. У тебя это плохо получается, — его голос опустился до низкого, угрожающего полусшепота. — Селеста — одна из немногих, кто помнит прошлые ошибки Валориса. Но она никогда не скажет тебе

всей правды.

— А ты, значит, скажешь? — с вызовом спросила я, глядя прямо в его огненный взгляд.

Деймон коротко, беззвучно хмыкнул. Он наклонился чуть ближе, нависая надо мной, и от него снова потянуло знакомым ароматом хвои и горного дыма.

— Я? С какой стати мне с тобой делиться? — В его голосе прозвучала холодная, ироничная сталь. — Ты пока даже на манеже дольше пяти минут продержаться не можешь, чтобы не упасть. Учись слушать и смотреть по сторонам, Вейн. И не суй нос в старые архивы, пока не научилась защищать собственную шею.

Он медленно выпрямился, закрыл свою папку и легко постучал пальцами по обложке моего фолианта:

— И закрой эту книгу. Завтра в пять утра. И не дай Этерия, ты опоздаешь хотя бы на минуту из-за ночного чтения.

Деймон развернулся и бесшумно скрылся за высокими стеллажами, оставив меня в звенящей тишине библиотеки с еще большим количеством вопросов, чем было до этого.

Глава 7

Слова Деймона не давали мне покоя. Всю ночь я проворочалась на жесткой кровати, разглядывая потолок из серого камня, пока за окном не начало рассветать. Поспать не удалось. *Черт.*

Пять утра. Манеж встретил меня привычным сырым холодом.

Деймон, мать его, Блэквуд уже был там. Сегодня он сменил строгий камзол на простую темную рубашку из плотного льна с расстегнутым воротом, без лишней отделки. Сложенные на груди руки подчеркивали его подтянутую фигуру и разворот плеч. Когда я выбежала на песчаный круг, его янтарный взгляд скользнул по моему лицу, задерживаясь на темных кругах под глазами.

— Не спалось, Вейн? — с легкой иронией спросил он, бросая мне деревянный тренировочный клинок. — Надеюсь, ты тратила ночь не на пустые раздумья.

— Мечтала о встрече с тобой, Блэквуд, — огрызнулась я, перехватывая рукоять.

Он лишь хмыкнул, но в глазах на мгновение мелькнула острая, едва заметная искра:

— Тогда не разочаруй меня. Сегодня работаем на реакцию. Если пропустишь удар — будешь бегать три круга по внешнему периметру.

И начался *ад*. В этот раз Деймон двигался быстрее, жестче, не давая мне ни секунды на передышку. Каждое движение его тела было выверено до миллиметра. Но я не сдавалась. Удары его меча с глухим треском встречали мой блок. Пару раз мне даже удалось заставить его отступить на полшага.

К концу двухчасовой тренировки мы оба тяжело дышали. Я стояла, упершись руками в колени, с меня градом сходил пот, пальцы от напряжения сводило на рукояти.

Деймон подошел ближе. Его рубашка слегка прилипла к груди, а темные пряди волос упали на лоб. Он протянул руку и аккуратно, кончиками пальцев, забрал у меня клинок. На миг его горячая кожа коснулась моей ладони, и по руке снова пробежала знакомая волна искрящегося тепла.

— Упрямая, — тихо проговорил он, глядя на меня сверху вниз. В его голосе больше не было насмешки — только скупое, сдержанное уважение. — На сегодня достаточно. Иди на лекции. Если можешь идти, конечно.

Клянусь, мне показалось, что уголки его губ едва дрогнули.

После обеда у нас была совместная практика по *Защите барьеров и ментальной устойчивости* с другими курсами.

Занятие проходило в старом крыле замка, где воздух был пропитан запахом пыли и застоявшейся магии. Магистр Кастиэль Рид увлеченно объяснял правила построения защитных сфер, расхаживая перед рядами кадетов. Его светлый

сюртук сиял безупречной чистотой, а мягкий голос буквально убаюкивал.

— Главное в барьере, кадеты, — это не сила, а целостность вашего намерения, — улыбался Кастиэль.

В какой-то момент он подошел к моей скамье, чтобы проверить, как я формирую эфирную сеть. Бриан, сидевший неподалеку в своей белой форме целителя, ободряюще кивнул мне.

— Превосходно, кадет Вейн, — похвалил Кастиэль, но его пальцы, когда он поправлял положение моей руки над магическим фокусом, слегка дрожали. Я заметила, как его взгляд на секунду метнулся к моей шее. — У вас удивительно чистый импульс. Очень... семейный.

— Семейный? — переспросила я, сузив глаза.

— Ваша мать... она прекрасно владела структурными сферами, — быстро поправился магистр, отходя на шаг назад и возвращая на лицо привычную белоснежную улыбку. — Что ж, продолжайте.

Бриан после занятия догнал меня в галерее.

— Айрин, постой. — Он поравнялся со мной, его серо-голубые глаза выражали беспокойство. — Как твое плечо? Бальзам помог?

— Да, Бриан, спасибо огромное. Уже почти не ноет.

— Хорошо, — он замешкался, оглянувшись по сторонам, а затем тихо добавил: — Будь осторожна с Ридом. Он слишком часто спрашивает архивариусов про личные дела сту-

дентов прошлых десятилетий. В том числе про твоих родителей. Но, насколько я знаю, эти архивы находятся в закрытых секциях. Я заметил это, когда искал рецепты для целебного крыла.

Эти слова стали последней каплей. Мысль промелькнула настолько быстро, что я едва успела подумать, как лучше осуществить задуманное и что случится, если меня поймут. Если мне никто ничего не рассказывает, я узнаю сама.

Поздно вечером, когда замок погрузился в глухую тишину, а кадеты засыпали в своих комнатах, я накинула темный плащ и выскользнула в коридор.

Я решила проверить подвалы Западного архива — именно там находились старые хранилища и закрытые секции, где, по словам Бриана, ошивался магистр Рид.

Каменные ступени уходили глубоко под землю. Светящиеся кристаллы здесь горели тускло, отбрасывая длинные, жутковатые тени. Воздух становился всё холоднее.

Я шла вдоль бесконечной галереи с запертыми дубовыми дверями, пока не уперлась в самый дальний тупик.

Здесь стояла массивная железная дверь, покрытая глубокими руническими символами. И прямо по центру, там, где у обычной двери был бы замок, выделялся оттиск — выемка в форме капли со сглаженными лучами. В точности такой же формы, как моя *Слеза Этериш*.

Мое сердце забилось быстрее. Я протянула руку к кулону под рубашкой, желая сопоставить его с выемкой, как вдруг

за спиной колыхнулась тень.

Я едва успела набрать в грудь воздух, чтобы вскрикнуть от испуга, как из непроглядной тьмы выскользнул темный силуэт.

Горячая, широкая ладонь мгновенно накрыла мой рот, глуша готовый вырваться выкрик. Вторая сильная рука обхватила меня за талию и с ошеломляющей легкостью рывком затащила в узкую нишу за каменным выступом, скрывая от основного коридора.

Я отчаянно дернулась, но спина врезалась в мокрую каменную кладку, а меня намертво прижало к ней крепкое, горячее тело.

— Тихо, — едва слышным, низким шепотом прожгло моё ухо.

Деймон.

Его пальцы всё ещё крепко блокировали мои губы. В узком проеме мы были прижаты друг к другу настолько близко, что между нами не осталось даже миллиметра воздуха. Я ощущала бешеный стук собственного сердца, его ровное дыхание и знакомый, одурманивающий запах хвойной смолы.

Деймон отпустил мою талию, поднял вторую руку и приложил указательный палец к своим губам. Его потемневшие глаза, горящие углем в темноте, встретились с моими.

И в этот момент в коридоре раздались шаги.

Медленные, размеренные, сопровождающиеся едва слышным шелестом длинных подолов одежды и легким по-

брякиванием металлических ключей. Кто-то проходил прямо в метре от нашего укрытия.

Деймон замер, превратившись в монолитное изваяние. Рука вернулась к моей талии. Хватка стала ещё жестче, натягивая ткань моего плаща. Наше дыхание переплелось. Густая Теневая магия Блэквуда окутывала меня, и мой свет рванулся ей навстречу. Тьма и свет сплелись — и глаза вдруг обожгло холодом. Не больно — будто изнутри их залило жидким серебром. Я не могла себя видеть, но точно знала: мои глаза светятся.

Я увидела, как в темных глазах Деймона мелькнуло изумление. Его взгляд на миг скользнул к моим, зафиксировав эту реакцию, но он промолчал, лишь сильнее сжав челюсти.

Шаги в коридоре затихли за поворотом. Магический фон медленно развеялся.

Деймон выждал еще несколько секунд, убеждаясь, что ночной визитер ушел. Затем он не спеша убрал ладонь от моих губ, но не сдвинулся ни на сантиметр. Наклонившись к самому моему уху, так, что его губы почти коснулись чувствительной кожи на шее, он тихо, с затаенной, недоброй иронией прошептал:

— Я же предупреждал тебя не совать нос куда не следует, Пташка.

Он резко схватил меня за запястье и без лишних церемоний вытащил из узкого проема обратно на середину холодного коридора.

Я судорожно вздохнула, восстанавливая дыхание. Сердце всё еще отбивало чечетку где-то в горле, а запястье горело от стального захвата Блэквуда.

— Ты с ума сошел?! — зашипела я, вырывая руку. — Мож бы просто окликнуть!

— И подарить тому, кто прошёл в метре от нас, шанс тебя наказать? — Деймон шагнул ко мне, скрестив руки на груди. Его фигура перекрывала тусклый свет кристалла, погружая меня в его тень. — Твой крик услышал бы весь Западный корпус. И повезло еще, что это был обычный патрульный, а не кто-то по твою душу.

Я обхватила себя руками, пытаюсь скрыть легкую дрожь в пальцах, и отступила на полшага назад, ближе к запечатанной двери.

— Я искала архивные записи, — упрямо буркнула я.

— В заброшенном крыле третьего подвала? — Деймон иронично изогнул бровь. В его глазах цвета расплавленного золота плясали опасные искры. Он медленно оглядел мое лицо, останавливая взгляд на моих глазах. — Кстати... интересная реакция.

— О чем ты? — Я нахмурилась.

Деймон сделал шаг вперед, вынуждая меня вжаться спиной в холодное железо двери. Он наклонился чуть ниже, и в его голосе зазвучали мягкие, едва уловимые грудные нотки:

— Твои глаза, Айрин. Были аквамариновыми... а секунду

назад, пока я держал тебя, стали чисто серебряными. Они меняют цвет, когда ты боишься... или когда я слишком близко?

Я почувствовала, как к щекам приливает жар. Воспоминание о том, как тесно его тело было прижато к моему в узкой нише, мгновенно всплыло в голове.

— Это от испуга, Блэквуд. Ты выскочил как черт из-за угла, — быстро отрезала я, отводя взгляд в сторону.

— Ну-ну. — Уголок его губ дернулся в едва заметной усмешке, но взгляд мгновенно стал строгим, когда он развернулся к массивной железной двери.

Деймон поднес ладонь к оттиску в центре двери, не касаясь поверхности. Рунические символы по краям двери на миг вспыхнули едва заметным тусклым светом и тут же погасли.

— Знаешь, что это за дверь, Вейн? — тихо спросил он. Веселье в его голосе испарилось.

— Судя по оттиску... она как-то связана с моим кулоном. — Я достала из-под рубашки *Слезу Этериш*. В полумраке подземелья аквамарин снова налился пульсирующим теплом.

— Это идет вразрез с твоими детскими представлениями о замках, — сухо произнес Деймон, поворачиваясь ко мне. — Это Врата Первозданного Архива. Они запечатаны магией крови твоих родителей и... моей семьи. Если тыставишь туда свой кулон без правильного ритуала и снятия основной

Печати — защита сработает как детонатор. От этого крыла не останется даже пыли. И от тебя тоже.

Я сжала кулон в кулаке, ощущая, как внутри всё похолодело.

— Кастизель Рид... он искал именно эту дверь? — спросила я, вспомнив предупреждение Бриана.

Деймон жестко сузил глаза:

— Рид — всего лишь пес, который вынюхивает след. Главные охотники пока сидят в тени. И если они поймут, что ты нашла Врата... тебе не поможет даже твой упрямый характер.

Он сделал шаг по коридору, мотнув головой в сторону лестницы:

— Идем. Я провожу тебя до твоих покоев. И не дай Этерия, я снова увижу тебя в подвалах после отбоя.

— Ты не мой конвоир, Блэквуд, — попыталась возразить я, но покорно пошла следом за его длинным плащом.

— В данном случае, Вейн, я твоя единственная страховка от глупой смерти, — отчеканил он, даже не оборачиваясь. — Завтра в пять утра на манеже.

После ночной вылазки спать оставалось всего пару часов. В пять утра на манеже Деймон гонял меня без жалости, словно вымещая на мне всю тяжесть ночных тайн. Но я замечала: теперь его янтарный взгляд задерживался на мне дольше обычного, а в каждом движении чувствовалась скрытая, на-

тянутая, как струна, настороженность.

К полудню усталость накрыла с головой, но пропускать практическую лекцию магистра Рида по Защите барьеров было нельзя.

Аудитория была заполнена студентами. Мы с Лив заняли места в среднем ряду. Кастиэль Рид расхаживал перед нами, ослепительно улыбаясь. Сегодня на нем был глубокий изумрудный камзол, а на указательном пальце правой руки красовался массивный перстень с темным, почти черным камнем.

— Сегодня мы разберем резонанс родовых артефактов, — мягко вещал Рид, и его голос обволакивал, словно шелк. — Кадет Вейн, не соизволите ли вы выйти к демонстрационному столу? Ваш кулон — прекрасный пример древней формы работы с эфиром.

В аудитории воцарилась тишина. Мы с Лив переглянулись.

Вспомнив предупреждения Деймона и Бриана, я поднялась со скамьи. Внутри всё сжалось, но я заставила себя шагать ровно.

— Магистр Рид, *Слеза Этерии* запечатана, — спокойно произнесла я, останавливаясь в паре шагов от его стола и не делая попыток достать кулон из-под ткани. — Вы сами говорили на прошлой лекции, что... — Он прервал мой ответ взмахом руки.

Улыбка Рида на секунду застыла, а в его глазах проскольз-

нуло нечто холодное, почти змеиное.

— Ну что вы, кадет, я лишь хотел оценить степень стабильности чар. — Он сделал шаг ко мне и протянул руку, словно за обычным учебным пособием.

В этот момент его перстень с черным камнем оказался совсем близко к моему вороту. Кулон на моей груди резко накалился обжигающим жаром, а внутри камня на пальце Рида вспыхнула тонкая синеватая жилка — точь-в-точь такого же цвета, как тот осадок от ядовитого отвара, который я вылила в раковину.

Рид пытался считать резонанс Печати. Он вынюхивал.

— Кадет Вейн не будет участвовать в демонстрации, магистр.

Какого хрена?

Громкий, холодный голос от дверей аудитории приковал к себе все взгляды.

В проеме стоял Деймон. На нем был длинный плащ старшего кадета боевого крыла, а за плечами угадывалась тень готовности вступить в дуэль. Он медленно вошел в аудиторию, не сводя пылающего взгляда с Кастиэля.

— Старший кадет Блэквуд? — Рид натянул привычную вежливую маску, но его рука с перстнем быстро опустилась. — Вы прерываете лекцию.

— Профессор Стейн просил передать, что кадет Вейн переводится на индивидуальный график физической подготовки, — отчеканил Деймон, останавливаясь прямо между

мной и преподавателем. — Ее присутствие на вашем практическом показе сейчас не требуется.

Кастизэль сузил глаза, но спорить со старшим кадетом при всем курсе не стал.

— Что ж... свободна, кадет Вейн, — сухо процедил Рид.

Деймон коротко мотнул головой в сторону выхода. Вокруг стояла звенящая тишина, сквозь которую едва пробивались шепотки других студентов. Я быстро собрала вещи и вышла в коридор следом за ним.

Как только двери аудитории закрылись, я догнала Блэквуда:

— Ты следил за мной?

— Я спасал твою глупую шкуру, Вейн. — Он резко остановился и развернулся ко мне. — Ты видела его перстень? Это *Игла Резонанса*. Если бы ты позволила ему коснуться кулона, он снял бы слепок твоей крови и открыл Врата в третьем подвале уже сегодня ночью.

Я сглотнула, вспомнив синюю вспышку в камне:

— Он искал ключ...

— Он искал способ забрать то, что запечатала твоя мать. — Деймон наклонился ко мне, и его янтарные глаза сверкнули темным огнем. — Теперь Рид, скорее всего, догадается, что ты копаешься в этой теме. Игра началась, Пташка. И с этого момента ты не сделаешь по Академии ни шагу без меня.

Прекрасно!

Глава 8

После инцидента на лекции Рида Деймон не повел меня ни в общий корпус, ни на открытый манеж. Мы спустились в изолированное крыло подвалов — но не туда, где находились запечатанные Врата, а в его, как он сказал, «личную тренировочную оружейную». *Хренов позер.*

Помещение освещалось лишь несколькими кристальными факелами. Вдоль стен висели настоящие боевые клинки, а воздух был пропитан запахом оружейного масла, металла и всё того же терпкого хвойного аромата, который теперь ассоциировался у меня исключительно с Блэквудом.

Деймон сбросил свой тяжелый плащ старшего кадета на скамью и остался в одной темной рубашке. Он подошел к стойке с оружием и снял два коротких парных клинка из тусклой, небликующей стали.

— Так как я забрал тебя с занятия, нам нужно... побудем пока здесь, — бросил он через плечо.

— Рид не оставит тебя в покое, — сухо произнес он, поворачиваясь ко мне и протягивая один из клинков рукоятью вперед. — *Игла Резонанса* работает не только от прямого касания, но и через ментальный импульс. Если он застанет тебя одну и попытается навязать магический блок, ты должна уметь сбивать его настройку до того, как он доберется до кулона.

Я перехватила гладкую рукоять. Металл был приятным на ощупь, а клинок идеально лежал в ладони.

— И как этому научиться? — спросила я, вставая в боевую стойку.

— Инстинктами, Вейн. Твоя магия должна защищать тебя раньше, чем ты успеешь подумать.

Без предупреждения Деймон сделал молниеносный выпад. Я едва успела подставить клинок, принимая звонкий, сухой удар на сталь. От силы его давления меня отбросило на полшага назад, но я удержалась на ногах.

— Медленно, — отчеканил он, нападая снова. — Ты ждешь, пока я замахнусь. Смотри на мои плечи, на дыхание.

На плечи? Серьезно?

Следующий час превратился в сплошную вспышку стали и тяжелого дыхания. Деймон не давал мне продыху, но теперь в его атаках не было сухой жесткости первых дней. Он выверял каждый свой укол так, чтобы я успевала среагировать, заставляя моё тело работать на пределе, а магический импульс внутри — сжиматься в тугую, готовую к взрыву пружину.

В какой-то момент, ставя очередной нижний блок, я оступилась на неровном камне пола. Оружие выскользнуло из моих пальцев, и я начала падать назад.

Деймон мгновенно отбросил свой клинок. Звон стали эхом прокатился по оружейной. Его сильная рука обхватила меня за талию, рывком притягивая к себе и удерживая от

падения.

Я судорожно глотала воздух, ощущая, как его сердце бьется так же бешено, как и моё. Его лицо замерло всего в нескольких сантиметрах от моего, а горячий взгляд скользил по моим губам и вздымающейся груди.

Тень вокруг нас на миг колыхнулась, окутывая нас густым, теплым коконом. Под веками снова разлился знакомый прохладный свет — я знала, что мои глаза наливаются серебром.

Деймон не отпустил меня. Его хватка на моей талии лишь слегка изменилась, сделавшись удивительно бережной. Второй рукой он медленно, едва касаясь, отвел мокрую от пота прядь волос от моего лица.

— Твоя мать... — тихо, с глухой, давней болью в голосе выдохнул он, и его взгляд стал неожиданно мягким. — Она сражалась рядом с моей матерью до самого конца, Айрин. Когда Тёмные кланы подожгли Край Магов, она была единственной, кто не испугался Тени моего рода.

Я замерла, почти боясь дышать. Это был первый раз, когда Деймон говорил со мной о том дне без яда и иронии.

— Ты знал ее? — шепотом спросила я, ощущая, как его дыхание обжигает мои губы.

— Я был ребенком. — Деймон тяжело вздохнул, и его пальцы на миг задержались на моей щеке, чувствуя жар моей кожи. — Но я помню тот же серебряный блеск в ее глазах. Ты похожа на нее гораздо больше, чем думаешь. И я не

позволю Риду или кому-то еще уничтожить то, что она... они спасли ценой своей жизни.

— Они?

Между нами потоком вспыхнула такая мощная, осязаемая химия, что воздух в оружейной казался наэлектризованным. Я видела, как в его янтарных глазах темная, опасная Тень сплетается с чем-то невероятно теплым и глубоким.

Деймон медленно наклонился чуть ближе, и на секунду мне показалось, что он вот-вот поцелует меня.

Но вместо этого его янтарные глаза сузились, а теплый свет в них мгновенно сменился темным, пульсирующим флером.

— Твой разум открыт, как незапертые ворота, Вейн, — его голос опустился до опасного, вибрирующего рокота прямо у моих губ. — Ты фонишь эмоциями на всю оружейную.

— Что?.. — Я попыталась отстраниться, но его хватка на моей талии лишь стала жестче, не позволяя сделать и шага назад.

— Рид — магистр ментальной устойчивости, — отчеканил Деймон, не разжимая рук и глядя мне прямо в глаза. — Игла Резонанса — это физический инструмент. Но если он поймет, что не может заставить тебя выдать тайну кулона наяву, он просто залезет к тебе в голову. Теневые маги обучаются блокировке разума с детства, а ты... Ты светишься своими мыслями, как факел в абсолютной темноте.

Он резко отпустил мою талию, сделал шаг назад и встал

напротив, скрестив руки на груди.

— Смотри на меня. Попробуй построить барьер.

— Каким образом? — выдохнула я, судорожно пытаюсь унять бешеный пульс и стереть с кожи фантомный жар его пальцев.

— Любим, Вейн! Вспомни стены своего питерского университета или вообрази тех, кто тебе дорог, друзей... Это может быть место или человек, которому ты доверяешь. Не знаю — мне плевать. Но если ты не научишься блокировать постороннее вмешательство, Рид вытащит из тебя всё, до последней мысли. Закрой двери своего разума.

— Хорошо, — процедила я сквозь зубы, выпрямляя спину и пытаюсь взять эмоции под контроль.

— Я уже там, Пташка, — с ядовитой, тихой ухмылкой произнес он, даже не шелохнувшись.

Блять.

В ту же секунду затылок обожгло ледяным, пронизывающим холодом. Внутри головы будто открылась бездна, и в мое сознание без предупреждения и стука ворвалось чужое, сокрушительно мощное присутствие.

Я сдавленно ахнула, схватившись пальцами за виски. Перед глазами хаотичным калейдоскопом выскочили картинки, которые я меньше всего хотела кому-то показывать.

Вот мастерская Академии художеств, въедливый запах разбавителя и Артем — наш староста, мой друг, мягко заглядывающий мне в глаза с неловкой заботой: «*Передохни,*

Вейн... лицо фарфоровое совсем».

— Серьёзно, Вейн? Человеческий мальчик? — раздался прямо в моей голове насмешливый голос Деймона, отдающийся низким эхом. — Беспольный, мягкий, беззащитный. Это твой оплот безопасности? Он бы сбежал, заведя первую же теньную тварь.

Картинка мгновенно сменилась. Перед глазами всплыл прохладный целительский покой, пряный запах ментола и теплое, почти невесомое прикосновение Бриана к моему обнаженному плечу: *«У тебя хорошая выдержка, Айрин...»*.

— О, а вот и наш святоша-целитель Эверхарт, — яд в ментальном голосе Деймона стал настолько густым, что казался физически ощутимым. — Намазал бальзамом, улыбнулся — и ты уже растаяла? Твою защиту так легко купить парой ласковых слов и мятной мазью? Какая трогательная наивность.

— Убирайся из моей головы! — выкрикнула я вслух, ощущая, как к горлу подступает закипающая ярость.

— Не уберусь, пока ты сама не выставишь меня за дверь! — холодно и жестко отозвался он в моих мыслях. — Защищайся! Не пытайся вытолкнуть меня сухой яростью — твоего резерва не хватит. Ищи то, что ценнее всего. Создай барьер из того, что ты никому и никогда не отдашь!

Я зажмурилась. Пальцы до боли сжались в кулаки.

Отбросив злость и смущение, я судорожно начала искать внутри себя нечто иное. Самые светлые, глубокие и неприкосновенные воспоминания.

Медовый свет настольной лампы в питерской квартире. Запах яблочного пирога с корицей, родная улыбка бабушки и ее мозолистые ладони. Незыблемый покой, окутавший меня, когда я впервые коснулась Слезы Этерии, — словно прикосновение матери, которую я не помнила. Наследие отца, принятое мной без страха.

Это была моя жизнь. Моя истинная суть, которую никто не имел права сломать, забрать или осквернить сарказмом.

Я мысленно подхватила это светлое, горячее чувство и сжала его в центрифуге собственного разума, возводя плотный, сияющий барьер из чистого серебра и аквамарина.

В оружейной мгновенно стало тихо. Ледяной холод в затылке исчез, словно его и не было.

Я резко открыла глаза.

Деймон стоял в шаге от меня. Его дыхание было слегка сбито, а в янтарных глазах горело дикое, темное, нескрываемое изумление. На миг его непроницаемая маска дала трещину, обнажая искреннее уважение.

— Вот так, — тихо, со странной затаенной гордостью выдохнул он, медленно опуская руку. — Запомни это ощущение. Это твой ментальный щит, барьер, называй, как хочешь. Постарайся практиковаться в этом почаще, даже без меня.

В закрытую дубовую дверь оружейной внезапно раздался отчетливый, громкий стук.

Деймон замер.

Под веками всё ещё покалывал серебряный холод, когда

он подхватил с пола брошенный клинок и накинул плащ.

— Вейн, подними оружие, — сухо отчеканил он, повернувшись к двери.

Я быстро нагнулась и подняла клинок, пытаясь унять бешеное сердцебиение. Кожа на щеке всё еще помнила прикосновение его пальцев, а лицо горело после нашей ментальной «схватки».

Деймон подошел к дубовой двери и отодвинул засов. Тяжелая створка отворилась, и в оружейную шагнул Бриан.

В руках целителя была свернутая карта и несколько выписок из регистра. Бриан на мгновение замер на пороге, его серо-голубые глаза быстро скользнули с Деймона на меня — растрепанную, тяжело дышащую, со слегка светящимися серебром глазами и клинком в руке. На лице Бриана промелькнула тень досады и легкого беспокойства.

— Блэквуд. — Бриан коротко кивнул старшему кадету, старательно сохраняя официальный тон. — Дежурный на нижней лестнице сказал, что вы спустились сюда. Проректор Альгрейн требует тебя к себе. Кастиэль Рид подал рапорт о «превышении полномочий» на его занятии.

Деймон лишь равнодушно хмыкнул, поправляя пряжку плаща:

— Пусть Рид подает хоть десяток рапортов. Что-то еще?

— Я искал Айрин. — Бриан перевел взгляд на меня, и его голос заметно помягчел. — В архиве целительского крыла я нашел кое-что по записям прошлого выпуска. Тебе нужно

это увидеть. Это касается состава того отвара, который тебе давал Рид, и рунических меток на Вратах.

Я взглянула на Деймона. Тот стоял у стены, опершись о стойку с мечами. В его янтарных глазах снова вспыхнул холодный, пронизательный огонь, но он молчал, предоставив выбор мне.

— Спасибо, Бриан, — тихо сказала я, возвращая клинок на стойку. — Я иду.

— Вейн, — окликнул меня Деймон, когда мы с Брианом уже подходили к дверному проему.

Я обернулась. Блэквуд стоял в полумраке оружейной, его тень казалась длиннее обычного.

И почему мне кажется, что он знал, кто стоит за дверью?

— Помни, о чем мы говорили, — произнес он с едва уловимым двойным смыслом, глядя мне прямо в глаза. — Не верь красивым отчетам. Завтра в пять утра. И без опозданий.

Мы с Брианом поднялись в тихую лабораторию целительского крыла. Там пахло мятой, сухими травами и спиртом. На столе лежал раскрытый пергамент с химическими формулами.

— Айрин, я не хочу лезть не в свое дело, — начал Бриан, наливая в прозрачную колбу восстанавливающий отвар и протягивая его мне. — Но Блэквуд... он опасен. За ним тянется шлейф Теневой магии, которая разрушает всё, к чему прикасается. По Академии давно ходят слухи, что его семья

была связана с падением Края Магов.

— Деймон помогает мне разобраться с кулоном, — возразила я, делая глоток прохладной, мятной жидкости.

— Или использует тебя, чтобы добраться до Врат, — мягко, но твёрдо ответил Бриан, наклоняясь ближе.

Сердце пропустило удар.

— Врат? — медленно переспросила я. — Откуда ты знаешь про Врата?

Бриан на мгновение отвел взгляд, будто решая, сколько можно сказать.

— Регистр целительского крыла ведётся вместе с архивным, — наконец произнес он. — Все заявки на спуск в нижние уровни проходят через наш стол: если кому-то станет плохо в подвалах, мы должны знать, где искать. За последний месяц магистр Рид трижды запрашивал схемы третьего подвала Западного корпуса. И каждый раз с одной и той же пометкой: «Врата Первозданного Архива». — Он помолчал. — А позавчера такую же схему забрал Блэквуд.

Я вспомнила старую кожаную папку в руках Деймона в Западном архиве — и по спине пробежал холодок.

— А отвар? — Я крепче сжала колбу. — Я никому не говорила, что Рид приносил мне отвар.

— Ты — нет. Но Рид сам сделал запись в журнале: «Кадету Вейн — укрепляющий отвар по рецепту магистра». Готовили его здесь, в нашей лаборатории. — Бриан виновато опустил глаза. — И это я сказал ему о твоей травме. Прости,

мне и в голову не пришло... Формула показалась мне странной, поэтому я сохранил пробу. Когда я ее выпарил, на дне остался синий осадок.

Синий. Точно такой же, как в моей раковине.

— Я вылила его, — тихо призналась я. — И осадок был синим.

— Значит, я не ошибся. — Бриан выдохнул с явным облегчением и развернул ко мне пергамент. — Посмотри на эту формулу. Синий осадок из отвара Рида — это не яд в привычном смысле. Это Проводник. Он истончает Печать. Рид хотел не отравить тебя, а заставить твой кулон открыться самопроизвольно. И если Деймон провоцирует твои эмоциональные всплески — он делает то же самое.

Я замерла с колбой в руке. Слова Бриана задели меня *за живое*.

«Ты похожа на нее гораздо больше, чем думаешь...» — звучал в моей голове низкий шепот Деймона. Но что, если в его словах действительно скрывался жесткий, холодный расчет? Что, если его прикосновения и взгляды — лишь способ раскатать мою магию до серебряного свечения?

— Бриан... а что ты нашел про Врата? — спросила я, скрывая смутение.

Он развернул старую карту нижних уровней:

— Врата запечатаны тремя составляющими. — Он провел пальцем по выцветшим строкам. — Первая — магия рода Вейн, та, что хранится в Слезе Этерии. Вторая — кровь

Блэквудов. А третья... — Бриан нахмурился. — Здесь сказано: «кровь, чуждая Этерии». Понятия не имею, что это значит. Но если активировать Врата неправильно, руны на двери сработают в обратную сторону. Они не просто взорвутся — они выпьют магию из каждого, кто находится в замке.

«Кровь, чуждая Этерии»... Я перечитала строку дважды, но смысл ускользал. Чья кровь может быть чужой?

Глава 9

Гром грохотал над замком ещё долго. Магический купол Валориса, обычно невидимый и непроницаемый, теперь прочерчивали бледные, дрожащие синеватые жилы. Они гасли и вспыхивали вновь, словно защитный барьер Академии задыхался под внешним давлением.

Я стояла у высокого стрельчатого окна целительского крыла, вглядываясь в бушующее темное небо. На столе у Бриана тихо звякали стеклянные колбы, реагируя на аномальные колебания эфира.

— Купол никогда не был так нестабилен, — тихо проговорил Бриан, подходя сзади и останавливаясь на уважительном расстоянии. — Кто-то наносит точечные удары снаружи. Или... пытается раскачать его изнутри.

Слова Бриана о трех составляющих и жестоком расчете Блэквуда эхом отзывались в моей голове. В памяти всплывало каждое прикосновение Деймона: горячая ладонь на подбородке, сильные руки на талии в темной нише подвала, бережный жест, отводящий мокрую прядь от лица... Какая часть из этого была настоящей, а какая — лишь способом выбить меня из равновесия и заставить магию проявляться серебряным свечением?

— Мне нужно вернуться к себе, — сказала я, поправляя колет и пряча *Слезу Этериш* глубже под ткань рубашки. —

Спасибо за предупреждение, Бриан.

— Айрин, постой. — Он помешкал, и его серо-голубые глаза наполнились искренним участием. Он протянул мне небольшой серебряный амулет на тонком шнурке. — Возьми. Это простой стабилизатор импульсов. Если кто-то — будь то Рид с его перстнем или Блэквуд с его Тенью — снова попытается вызвать всплеск твоей магии, амулет сгладит резонанс.

Я приняла подарок, чувствуя приятную прохладу металла: — Спасибо.

Путь до северного крыла казался бесконечным. В коридорах Валориса висело странное напряжение: дежурные кадеты ходили парами, преподаватели спешили в главный зал к ректору Магнусу, а вдоль каменных стен ползли неестественно густые, длинные тени.

Возле галереи, ведущей к моим покоям, из стены буквально выткался темный силуэт.

Я замерла, сжав кулаки. Из полумрака вышел Деймон. Плащ старшего кадета был небрежно накинут на одно плечо, ворот рубашки расстегнут, а в огненном взгляде читалась дикая, почти звериная усталость и глухая злость.

— Долго засиделась у целителя, Вейн, — сухо произнес он, перегораживая мне дорогу. — Эверхарт скормил тебе очередную порцию сказок про мою смертельную опасность?

Я вскинула подбородок, глядя ему прямо в глаза: — Бриан просто показал мне факты, Блэквуд. Он расшифровал состав

отвара Кастиэля и показал схему Врат.

Деймон коротко, беззвучно хмыкнул, но его глаза сузились. Взгляд скользнул к моей шее, затем вниз и зацепился за серебряный амулет Бриана, который я держала в руке. На миг в янтарных глазах вспыхнуло нечто тёмное, недоброе — жгучая, неконтролируемая вспышка чего-то, что он мгновенно попытался подавить.

— Амулет-стабилизатор? — В его голосе прорезалась ледяная ирония. — Как *мило*. Эверхарт заботится о твоей чистой ауре.

— Он хотя бы не скрывает свои мотивы! — вырвалось у меня. Я сделала шаг к Деймону, ощущая, как внутри закипает обида. — А ты, Деймон? Зачем ты каждый раз оказываешься рядом? Зачем трогаешь меня, заставляешь испытывать этот чертов страх или... что-то еще, от чего мои глаза становятся серебряными?! Тебе просто нужен серебряный импульс, чтобы посмотреть реакцию Печати?

Деймон замер. В коридоре между нами словно выросла стена из морозного, наэлектризованного воздуха. Тень за его спиной качнулась, взвиваясь к потолку.

Он медленно сократил дистанцию. Шаг. Еще шаг. Пока не оказался вплотную ко мне. На этот раз он не стал хватать меня за запястья или прижимать к стене. Он просто наклонился к моему лицу, заставляя меня тонуть в горячем золотом пламени его глаз.

— Ты действительно думаешь, что я играю с тобой в рас-

четы, Айрин? — Его голос опустился до низкого, угрожающего шепота, от которого по моей коже пробежали мурашки. — Если бы мне нужен был только импульс вашей с матерью крови, я бы давно сорвал с тебя этот кулон и вскрыл Врата. Без вопросов. Без тренировок на манеже в пять утра. И без того, чтобы вытаскивать тебя из лап Рида.

Я затаила дыхание, глядя на его сжатые губы.

— Тогда почему? — выдохнула я.

Деймон протянул руку. Его сухие, горячие пальцы легли на мое запястье — аккуратно, едва касаясь кожи там, где пульсировала жилка. Он нежно, но с какой-то отчаянной силой сжал мои пальцы, в которых был подарок Бриана, и заставил меня опустить руку.

— Потому что, если ты доверишься не тем людям, Пташка, тебя разорвут, — тихо проговорил он, и его взгляд скользнул по моим губам. — А я слишком долго ждал твоего возвращения, чтобы позволить кому-то тебя забрать.

Он резко развернулся и пошел прочь по коридору, оставляя меня одну в звенящей тишине под завывание бури за окном.

Утром Академия гудела, как растревоженный улей. Трещина в магическом куполе не прошла бесследно: ректорат срочно отправлял отряд старших кадетов Совета Стражи за периметр — проверить, что именно атаковало барьер из Внешних земель.

Я пришла на манеж ровно в пять утра, как и требовал Блэквуд. Но манеж был пуст.

Вместо Деймона у стойки с оружием стоял высокий, темноволосый парень в легком кожаном доспехе разведчика. На его поясе болтались два парных кинжала, а на лице играла дерзкая, откровенно веселая улыбка.

— О, а вот и наша легендарная Айрин! — протянул он, непринужденно опираясь на стойку и оглядывая меня с ног до головы. — А я-то думал, Блэквуд преувеличивает. А ты действительно ничего. Твои глаза, упрямый подбородок...

Я нахмурилась, мгновенно сжав кулаки: — Ты кто еще такой? И где Деймон?

— Кайан. Можно Кай. Свободный разведчик и единственный живой человек, который дерзнул называться другом твоего сурового надзирателя. — Он отвесил мне шуточный, слегка театральный поклон. — А Деймона отправили на границу Запретного леса. Купол пробили снаружи, и наш мрачный гений возглавил группу перехвата. Вернется дня через три... если его не съедят теневые твари. Хотя, скорее, они отравятся его характером. — Он расхохотался.

Внутри у меня всё внезапно опустилось. *Три дня?* Без Блэквуда? Без его постоянного контроля, без жестких тренировок и... без этого сводящего с ума янтарного взгляда?

Кайан ловко подбросил в воздухе кинжал и поймал его за лезвие, внимательно наблюдая за замешательством на моем лице. Его улыбка стала ещё шире, а взгляд — зорче.

— У-у-у, Вейн, ну и личико, — хохотнул Кайан, сделав шаг ко мне. — Ты бы видела Деймона вчера вечером, когда он выбивал у ректора разрешение отдать эту вылазку кому-то другому. Он чуть ковры в кабинете не прожег своей Тенью.

— И почему же? — пробормотала я, отводя взгляд.

— Да потому что рвал и метал! Орать на ректора из-за того, что тебя оставляют в замке «без должного присмотра» — это абсолютный рекорд даже для Блэквуда. Он мне все уши прожужжал: *«Кай, следи за ней. Не подпускай Рида. Если с ее головы упадет хоть волос — я с тебя сдеру шкуру»*. — Он театрально изобразил мимику Деймона.

Кай качнул головой, искренне забавляясь: — Я его таким не помню со времен падения Края Магов. Наш ледяной принц окончательно потерял голову, а ты, кажется, даже не замечаешь, как крепко взяла его за горло.

Я ощутила, как к щекам приливает жар: — И вообще, Блэквуд просто выполняет долг перед ректором...

— Ну да, конечно, долг! — расхохотался Кайан. — Именно из-за «долга» он хранит у себя на столе твою черную ленту для волос с первой тренировки и смотрит на нее так, будто это главная реликвия королевства.

Мои брови взлетели вверх. Ленту? Я даже не заметила, что потеряла ее.

— Ой. Ладно, молчу-молчу, а то вернется — точно спустит на меня свои тени.

Он бросил мне тренировочный меч:

— Лови. Блэквуд приказал не давать тебе спуску. Так что давай, Вейн, покажи, чему он тебя научил.

Мы тренировались часа два. В отличие от тяжелой, нависающей манеры Деймона, Кай двигался легко, по-кошачьи, постоянно отпуская насмешливые комментарии: «А вот тут Блэквуд тебя явно пощадил!», «Выше локоть, Вейн, а то опять побежишь к своему целителю!». Но при этом он выжимал из меня все соки не хуже своего мрачного друга.

Когда тренировка наконец закончилась и я, тяжело дыша, опиралась на меч, Кай смахнул со лба идеальную челку и вдруг нахмурился, глядя на вход на манеж.

Там нас уже ждали Лив и Вал. Ливия, закинув руки за голову, с любопытством разглядывала моего нового «надзирателя», а Вал настороженно поправлял лямку рюкзака.

— Это ещё что за группа поддержки? — ухмыльнулся Кай, убирая кинжалы в ножны. — Блэквуд говорил про какую-то рыжую девчонку из Аквилонских Нагорий. Это она?

— Лив и Вал. Мои друзья, — отрезала я, вытирая пот со лба. — И давай без твоих штук, Кай.

— Обижаешь, — усмехнулся он и вальяжной походкой направился к выходу. — Я обещал Деймону сопровождать тебя до лекционного крыла, так что придется потерпеть мою компанию.

Когда мы подошли, Кай остановился прямо перед Ливией. Его насмешливые орехово-янтарные глаза скользнули по ее

растрепанным медным кудрям, смуглой коже и колючему, вызывающему взгляду, которым она его встретила.

— Кайан, — представился он с безупречной полуулыбкой, от которой половина первокурсниц Академии мгновенно потеряла бы разум. — Свободный разведчик и единственный человек, которому прощают отсутствие строгой формы.

— Ливия. И мне всё равно, кто ты, если ты не мешаешь нам идти на лекцию, — отчеканила Лив, скрестив руки на груди и смерив его взглядом с ног до головы.

Вал рядом тихо хмыкнул, а Кай, вместо того чтобы обидеться, расплылся в ещё более широкой и азартной ухмылке. В его глазах вспыхнул откровенный интерес.

— Колючая, — с явным удовольствием протянул он. — Всё как я люблю.

По дороге к лекционному крылу Кай шел рядом, умудряясь одновременно следить за коридорами и подкалывать Лив. На перекрестке у внутренней оранжереи он вдруг на секунду зашел за колонну и вернулся, держа в пальцах небольшую дикую лилию на длинном стебле — видимо, сорванную прямо с декоративного куста.

— Держи, Аквилонка. — Кай с небрежным изяществом сунул цветок Ливии прямо под нос. — Для улучшения характера.

Ливия замерла. На ее смуглых щеках на миг проступил легкий румянец, но она тут же задрала подбородок и закатила глаза:

— Ты в своем уме? Зачем мне эта палка?

— Это лилия, дикарка, — расхохотался Кай. — Привыкай к красивым вещам.

— Выбрось ее, Лив, он просто паясничает, — фыркнул Вал.

Но Лив, громко цокнув языком и сделав вид, что совершает великое одолжение, не выбросила цветок. Она с демонстративным недовольством засунула стебель за широкий кожаный пояс своего колета.

Я смотрела на эту парочку и невольно качала головой. С одной стороны, этот лёгкий флирт Кая выбивался из угрюмой атмосферы Валориса, с другой — я заметила, как внимательно он осмотрел каждый угол, когда мы проходили мимо кабинета магистра Рида. За его дурашливостью скрывалась стальная хватка разведчика.

День тянулся невероятно долго. Лив пыталась отвлечь меня на лекциях по Травоведению — я видела, как она аккуратно вытащила ту самую лилию и незаметно положила её между страниц тяжелого фолианта, чтобы засушить, хотя на словах продолжала ругать Кая последними словами. *Интересно.*

За обедом ко мне подсел Бриан. Я уже собиралась сослаться на усталость, но он молча положил на скамью рядом со мной увесистый сверток, перевязанный бечевкой.

— Что это? — насторожилась я.

— Лив обмолвилась, что в своем мире ты училась в Ака-

демии художеств, — чуть смущенно улыбнулся он. — В кладовой целительского крыла много лет пылились принадлежности для рисования: после тяжелых ранений некоторым кадетам помогает живопись — говорят, она успокаивает магические каналы. Ими давно никто не пользовался. Подумал, тебе сейчас это нужнее.

Я осторожно заглянула под край бумаги. Небольшой подрамник с натянутым холстом, деревянный ящик с тюбиками масляных красок, флакон льняного масла, разбавитель, мастихин и несколько кистей — потертых, но вполне годных.

У меня перехватило дыхание. Это был первый за все эти дни кусочек моей прежней жизни.

— Бриан... спасибо, — искренне выдохнула я.

— Только пообещай, что будешь рисовать не одни подвалы и бури, — мягко усмехнулся он и, не дожидаясь ответа, вернулся к столу старшекурсников.

Без Деймона замок казался странно пустым и холодным. Коридоры подземелий больше не манили, а в собственной комнате висела звонкая, давящая тишина. Я поймала себя на том, что раз за разом подхожу к окну, всматриваясь в темную полосу Запретного леса за куполом.

«Я слишком долго ждал твоего возвращения...» — снова и снова звучали его слова в голове.

Он был там, в темноте, на границе с опасностью. А я впервые в жизни не понимала, что со мной происходит.

Мой взгляд упал на сверток Бриана, так и лежавший

нераспакованным на столе. Что ж, я давно не рисовала красками...

Я развязала бечевку. Стоило развернуть плотную бумагу, как из-под холста выскользнул сложенный вдвое листок и мягко спланировал мне под ноги.

Я подняла его. На кремовой бумаге аккуратным, почти каллиграфическим почерком было выведено:

«Айрин, пусть эти краски вернут тебе хоть немного дома. А если однажды захочешь нарисовать что-то светлое — в оранжевое есть место, где лунные лилии раскрываются только по ночам. Я был бы рад показать его тебе. — Б.»

Щеки обдало жаром — но совсем не тем, от которого сбивается дыхание. Мне стало неловко. Бриан был добрым, внимательным, заботливым... и при этом ничто внутри меня не отзывалось на его слова. Я положила записку на край стола, пообещав себе подумать, как ответить ему помягче, — и тут же о ней забыла.

Я зажгла масляный светильник, поставила подрамник к свету и взяла в руки мастихин и кисти. Запах краски, льняного масла и разбавителя мгновенно заполнил комнату, привычно успокаивая растревоженные мысли.

Сначала на холсте ложились лишь хаотичные мазки: глубокий, почти черный ультрамарин и темная умбра — так выглядели подвалы Академии и бушующий купол. Но затем руки сами начали смешивать цвета. На тёмном фоне вспыхнули густые, хвойные оттенки, переплетающиеся с прозрач-

ной, золотисто-янтарной охрой.

Я рисовала не просто силуэт. Я вырисовывала ту самую грозную Тень и пылающий взгляд, который до сих пор преследовал меня.

Каждый мазок кисти возвращал меня на ту тренировку в оружейной. Вспоминались его сухие, горячие пальцы, нежно касавшиеся моей щеки, хриплый шепот и оговорка про родителей: «...*Они спасли ценой своей жизни*».

Внезапно в тишине комнаты раздался тихий, почти неведомый шорох со стороны окна.

Я замерла. Кисть застыла в воздухе, а с лезвия мастихина канула каплей тёмно-медовая краска. За окном бушевал ветер, но этот звук был слишком ритмичным, слишком человеческим.

Кулон на моей груди — *Слеза Этерии* — резко налился сухим, тревожным жаром.

Сжав в кармане амулет Бриана, я тихо поднялась с матерчатого стула и потянулась к поясу, где висел стилет отца. Рид? Или кто-то из его приспешников решил проверить мои покои, пока главный защитник прочесывал Запретный лес?

Окно медленно отворилось, впуская в комнату струю ледяного ночного воздуха. В проеме выросла высокая тень.

Я мгновенно вскинула свой стилет, занимая стойку, которой меня учил Деймон.

— Опустит железо, Вейн. А то еще порежешься, — раздался из темноты тихий, уже знакомый, ехидный голос.

На свет светильника шагнул Кайан. Правда, от его привычной беззаботности не осталось и следа: кожаная куртка разведчика в нескольких местах была рассечена, на плече темнело свежее пятно крови, а лицо было в копоти.

— Кайан?! — Я опустила клинок, изумленно разглядывая его. — Что произошло? Ты же должен был оставаться в замке! И почему ты влез через окно?!

— Потому что Рид выставил своих «наблюдателей» у главного входа в твоё крыло, — сухо отрезал Кай, закрывая оконную раму и запирая её на засов. — А у меня паршивые новости.

Я почувствовала, как внутри всё сжалось: — Деймон?..

— Жив наш ледяной принц, не бледней ты так. — Кайан тяжело опустился на сундук у стены и поморщился, держась за раненое плечо. — Днём ректор отправил меня к ним с подкреплением. Но вылазка за купол оказалась ловушкой. Нас ждали. Кто-то слил информацию о маршруте старших кадетов. Блэквуд связал тварей боем, чтобы дать разведке отступить с донесением, но за ними кто-то стоял, Айрин. Кто-то из Академии контролирует Прорыв.

Он поднял на меня глаза и внезапно замер, бросив взгляд на стоящий в центре комнаты подрамник. На сыром холсте при свете светильника ослепительно ярко горели янтарные глаза среди хвойной тени.

Кайан тихо, свойским тоном хохотнул, хотя ему явно было больно: — Ого... Ну, если Деймон увидит *это*, он точно

откажется возвращаться в свой холодный подвал.

— Перестань, Кай! — вспыхнула я, моментально загораясь портрет собой. — Лучше скажи, что нам делать? Если вылазка была ловушкой, Деймону грозит опасность?

— Деймон запечатал проход, но он отрезан за периметром до рассвета. — Выражение лица Кайана снова стало серьезным. — А Рид прямо сейчас собирает экстренный совет ректората. Он хочет воспользоваться отсутствием Блэквуда и потребовать досмотра твоих комнат и кулона. Официально — «для проверки на проклятую магию Внешних земель».

— Они думают, что это я делаю? — Я в непонимании уставилась на него.

В дверь моей спальни со стороны коридора раздался громкий, властный стук.

Стук в дверь повторился — громче, с нажимом, от которого задрожала тяжелая дубовая рама.

— Кадет Вейн! — раздался из коридора ледяной голос Кастиэля Рида. — Откройте. С вами говорит комиссия магической безопасности. У нас есть основания полагать, что в ваших покоях находится незарегистрированный артефакт Теневого спектра.

Кайан бесшумно поднялся с сундука, прижав палец к губам. Его руки сами собой опустились на рукояти кинжалов. Он кивнул в сторону окна и тут же покачал головой: *выходить обратно поздно, снаружи тоже могут дежурить.*

Я быстро накинула на подрамник с незавершенным порт-

ретом плотную тканую накидку, спрятав огненные глаза под слоем серого льна. Сердце колотилось где-то в горле, но внутри закипала злость. Они ждали, пока Деймон уйдет. Рид высчитал всё до минуты.

— Кайан, в шкаф, — шепнула я. — Быстро.

— Ты сдурела? Я не оставлю тебя с этим слизнем... — шикнул разведчик.

— Если тебя найдут здесь, раненого, нас обоих обвинят в заговоре, — отрезала я, с силой пихнув его к гардеробу. — Сиди тихо и не дергайся.

Кайан сжал зубы, но спорить не стал — скользнул в тень дубового шкафа и прикрыл дверцу.

Я подошла к двери, сделала глубокий вдох и отодвинула засов.

На пороге стоял Кастиэль Рид. На нем был строгий темный камзол, а за его спиной замерли двое гвардейцев в доспехах Валориса. На указательном пальце магистра блестел тот самый перстень с темным камнем — *Игла Резонанса*.

— Чем обязана, магистр Рид? В такой час? — ровно спросила я, загораживая проем и не пуская их внутрь.

— Ваша безопасность — наша главная забота, кадет. — Рид улыбнулся, но улыбка не затронула его змеиных глаз. — В связи с прорывом купола ректорат санкционировал досмотр комнат кадетов младших курсов. Особенно тех, кто так или иначе связан с первородными артефактами. Снимите *Слезу Этери* для проверки.

— Кулон запечатан, — отчеканила я. — И с каких пор декан факультета Менталистики проводит ночные обыски без личного присутствия проректора Альгрейна?

— Проректор Альгрейн занят укреплением верхнего контура, — мягко процедил Рид, медленно поднимая руку с перстнем. — А кадет Блэквуд... что ж, ваш самозванный защитник сейчас слегка недоступен. И вряд ли вернется до утра. Так что не усложняйте себе жизнь, Айрин.

Рид сделал шаг вперед, бесцеремонно вынуждая меня отступить вглубь комнаты. Гвардейцы шагнули следом, закрыв за собой дверь.

Камень в его перстне вспыхнул темным, грязно-синим светом. В ту же секунду кулон у меня на груди отозвался резкой, обжигающей болью — *Игла* начала вытягивать из меня магический отклик, провоцируя родовую Печать.

Я стиснула зубы, отказавшись отступать. Рука сама метнулась в карман, сжимая серебряный амулет-стабилизатор, который дал Бриан. Напряжение в воздухе стало почти осязаемым.

— Не стоит, магистр, — резко произнесла я, чувствуя, как в глубине глаз начинает пульсировать серебро. — Вы переступаете черту.

— Я беру то, что принадлежит по праву тем, кто умеет этим пользоваться! — прошипел Рид, и его глаза блеснули фанатичным огнем. Он протянул руку, чтобы схватить кулон...

В этот момент раздался оглушительный звон разбитого стекла.

Деревянные створки вылетели внутрь комнаты от страшного удара. Вместе с ледяным ветром и осколками в спальню ворвалась густая, клубком свернувшаяся черная Тень.

Она мгновенно обрела форму. Из клубящегося мрака шагнул Деймон.

Его плащ был разорван, на щеке запеклась темная полоса крови, а янтарные глаза горели таким диким, по-настоящему смертоносным огнем, что оба гвардейца инстинктивно схватились за мечи и отступили на шаг.

Деймон даже не взглянул на них. За доли секунды он оказался между мной и Ридом. Помещение заполнил жгучий, трескучий запах грозы и терпкой хвои.

Он перехватил запястье Рида — то самое, с перстнем — с такой силой, что в тишине комнаты раздался отчетливый сухой треск.

Рид болезненно шикнул, теряя самообладание.

— Твоя вылазка за периметр была плохо спланирована, Кастиэль, — низко, с тихой яростью прорычал Деймон, глядя магистру прямо в глаза и медленно сжимая его руку. — Твари не удержали проход. А я обещал тебе... еще одна попытка тронуть кадета Вейн — и я вырву твою *Иглу* вместе с пальцем.

Лицо Кастиэля Рида исказилось от боли и затаенной ненависти. Суставы его пальцев в хватке Деймона трещали, а тем-

ная Тень Блэквуда уже ползла по рукаву камзола магистра, угрожая выжечь магические каналы.

— Блэквуд, ты забываешься! — выдохнул Рид, пытаясь сохранить остатки достоинства перед гвардейцами. — Я действовал в рамках проверки ректората!

— Ректорат не давал санкции на ночной обыск в покоях Вейн, — чеканя каждое слово, произнес Деймон. В его низком голосе звенела такая сила, что гвардейцы за спиной магистра переглянулись и синхронно опустили мечи. — Проректор Альгрейн уже уведомлен о вашей «самодеятельности». А теперь забирай своих людей и прочь отсюда. Пока я не решил, что твое нападение было продолжением той ловушки у Запретного леса.

Слово «ловушка» подействовало на Рида как ушат ледяной воды. В его глазах на мгновение мелькнул испуг. Он резко вырвал руку из ослабевшего захвата Деймона, поправил манжеты и отступил к дверям.

— Мы еще вернемся к этому разговору, Блэквуд. На совете Академии, — процедил Рид и вместе с гвардейцами спешно покинул комнату, оглушительно хлопнув дубовой дверью.

В спальне наступила звенящая, тяжелая тишина.

Деймон остался стоять у разбитого окна. Ледяной ветер из Запретного леса врвался в проем, трепля его темные волосы и разорванный плащ. Вся его фигура выражала дикое, натянутое напряжение.

Я сделала шаг к нему: — Деймон... ты ранен?

Он медленно повернулся. Золотистые глаза скользнули по моему лицу, задерживаясь на губах и вздымающейся груди, словно он лично проверял, цела ли я.

— В порядке, — сухо отрезал он, оглядывая разгром в комнате: разбитое стекло, снежную крупу на полу... и тут его пронизательный взгляд зацепился за две вещи.

Первой была дверца дубового шкафа, которая едва замет-но дрогнула. Второй — подрамник с холстом в углу, небрежно накрытый серой тканью, из-под которой проглядывал свежая, еще не высохшая янтарная охра и хвойная зелень.

Деймон сузил глаза. Тень вокруг него снова беспокойно качнулась.

— Кайан, вылезай, — не поворачивая головы, отдал приказ Блэквуд. — Твой запах крови и оружейного масла слышно от самого входа.

Дверца шкафа со скрипом отворилась, и оттуда с абсолютно невинным видом вывалился раненый разведчик, потирая затекшую шею.

— Ну вот, весь эффект испортил, — фыркнул Кайан, опираясь на резной столбик кровати. — А я-то надеялся досидеть до романтической развязки. Кстати, Блэквуд, дрался ты эффектно. Но комнатку девушке придется ремонтировать.

Деймон даже не улыбнулся. Он сделал шаг к Кайану, придиричиво оглядывая его рассеченное плечо: — Ты почему не в лазарете?

— Потому что Рид выставил посты, а нашей Айрин нужна была защита. — Кайан подмигнул мне и шутливо качнул головой. — Хотя, признаться, она и сама отлично держит стойку. И, между прочим, скучала по тебе так, что аж за кисти взялась!

Деймон замер. Его взгляд медленно переместился на накрытый холст в углу комнаты.

— Кайан, пошел вон, — низко проговорил Блэквуд, не отрывая от меня взгляда, и в его голосе прорезались угрожающие, рычащие нотки. — Иди к Бриану, пусть зашьет тебе плечо.

— Понял-понял, ухожу, пока меня не испепелили. — Разведчик ловко перемахнул через подоконник разбитого окна, но перед тем как исчезнуть в ночи, бросил на меня веселый взгляд: — Не забудь показать ему портрет, Вейн! Он оценит!

Шорох шагов Кайана затих. Мы снова остались одни.

Деймон медленно сократил расстояние между нами. Он остановился в шаге от меня, и я почувствовала, как сбивается мое дыхание. Его рука неожиданно поднялась и... вместо того чтобы сорвать ткань с холста, он бережным касанием провел по моему подбородку, заставляя поднять голову.

— Ты не пострадала? — тихо, без привычной жесткости спросил он, глядя мне прямо в глаза.

— Со мной всё в порядке, Деймон, — шепотом ответила я, не отводя взгляда от его глаз. — Благодаря Кайану... и тебе.

Его пальцы на моем подбородке были горячими, контрастируя с ледяным ветром, который врвался сквозь выбитые оконные стекла. Я ощущала, как его мизинец едва заметно вздрагивает — признак того предельного магического истощения и ярости, из которых он только что вырвался.

Деймон не отпускал меня. Его взгляд скользнул к моему поясу, задержался на *Слезе Этериис*, а затем опустил на серебряный амулет, который я всё ещё сжимала в кулаке.

— Ты защищалась этим? — В его голосе прозвучала тихая, глухая досада, но на этот раз без яда.

— Бриан пытался защитить меня от всплесков, — тихо возразила я, чувствуя, как расстояние между нами медленно тает. — Пока тебя не было... Рид пытался заставить кулон открыться.

— Я знаю. — Деймон тяжело вздохнул, и его дыхание обжгло мою кожу. Пальцы переместились с подбородка на мою щеку, мягко, почти невесомо стирая с нее попавшую через разбитое окно снежную крупинку. — Рид увязал Прорыв купола с активизацией Печати. Он спешит, Айрин. Времени почти не осталось.

Мое имя, сорвавшееся с его губ без привычной фамильной сухости «Вейн», прозвучало так *нежно*, что у меня прервалось дыхание.

Тень за его спиной постепенно утихала, укладываясь мягким, шелковистым ковром у наших ног. В комнате витал тот самый терпкий, глубокий хвойный аромат, который теперь

ассоциировался у меня только с безопасностью.

Деймон медленно повернул голову к мольберту в углу комнаты. Серый лен все так же скрывал свежий портрет, но яркие мазки хвойного и янтарного оттенков ярко выделялись на самом краю ткани.

— Скучала, значит? — тихо, с едва уловимой, невероятно теплой усмешкой проговорил он, возвращая медовый взгляд к моему лицу.

Я залилась краской, радуясь, что в полумраке спальни этого практически не видно.

— Кайан любит преувеличивать, — попыталась сгладить угол я, но голос предательски дрогнул. — Я просто... пыталась отвлечься.

— И что же ты нарисовала, Пташка? — Деймон сделал полушаг к подрамнику, но не стал поднимать руку, чтобы сорвать ткань. Он оставил право выбора за мной. — Тень? Или то, что за ней скрывается?

— Я покажу тебе... когда закончу, — ответила я, шагнув за ним и перехватив его взгляд. — Когда ты расскажешь мне всю правду про тот день в Краю Магов. И про «них».

Деймон замер. На миг в его глазах снова проскользнула давняя, тяжелая боль, но он не замкнулся, как раньше. Он лишь кивнул — медленно, признавая мое право знать.

— Договорились, — тихо сказал он. — А сейчас тебе нужно поспать. Завтра ректорат собирает экстренное заседание по поводу Рида и Врат. И мне понадобится ты — сильная,

собранная и готовая бороться.

Он снял свой разорванный плащ и накинул его мне на плечи, закрывая от сквозняка. Тяжелая ткань мгновенно окутала меня его запахом и теплом.

Деймон подкинул в камин пару поленьев и одним щелчком пальцев вызвал магическое пламя. Выпрямляясь, он скользнул взглядом по столу — и замер.

На краю стола, рядом с тюбиками красок, белел сложенный листок. Тот самый, о котором я совершенно забыла.
Черт.

Прежде чем я успела шевельнуться, Деймон взял его двумя пальцами и развернул.

Я видела, как он читает. Как с каждой строчкой каменеет линия его челюсти, как сужаются глаза, а янтарь в них темнеет, наливаясь густой, почти черной Тенью. Тень у его ног, только что улегшаяся мягким ковром, вдруг ошетичилась и поползла по полу.

— «Лунные лилии раскрываются только по ночам», — медленно, почти лениво процитировал он, и от этой ленивости по моей спине пробежал холодок. — «Я был бы рад показать его тебе».

— О, да прекрати! — вспыхнула я, чувствуя, как горят щеки. — Это просто записка. Я даже не собиралась...

— Краски, амулет, прогулки по ночной оранжерее, — перебил он, не отрывая взгляда от ровных каллиграфических строк. — Эверхарт очень старается.

Он поднял на меня глаза, и в них полыхнуло что-то темное и жгучее — то, чему Деймон Блэквуд, кажется, и сам не хотел давать имени.

— По ночам в оранжерее небезопасно, Пташка. Особенно сейчас, когда Рид расставил своих наблюдателей по всему замку.

Он небрежно разжал пальцы над камином. Листок упал прямо в магическое пламя, вспыхнул темным золотом и за мгновение осыпался черным пеплом.

— Ты... ты не имел права! — задохнулась я от возмущения.

— Я сам передам Эверхарту ответ, — сухо отрезал он, но уголок его губ едва заметно дрогнул.

Я открыла рот, чтобы высказать ему всё, что думаю о его манерах, но Деймон уже шагнул к разбитому окну.

— Ты уходишь? — не удержавшись, спросила я.

Уже стоя на подоконнике, он обернулся и посмотрел на меня сквозь темноту:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.